

Р29р  
С37

**А. СИМОНОВ**



# НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ



Трудом и  
первоначальными  
с самыми формами  
исследования.

Действительный

7. марта

2017 год

Испрошения

P2 Яр  
С37

А. СИМОНОВ

211352-1

# **НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТ РОССИИ**

Историческая повесть

Муниципальное учреждение культуры  
«Централизованная библиотечная система  
города Ярославля»

Ярославль  
ИНДИГО  
2017

УДК 351.746.1  
ББК 86.372  
С 37

*Автор благодарит  
протоиерея Алексия Кириллова  
настоятеля Яковлевско-Благовещенского  
храма г. Ярославля  
за помощь в издании этой книги*

**С37** **Симонов А. Н.**  
Нательный крест России. Историческая повесть. –  
Ярославль: ИПК «Индиго», 2017. – 80 стр.

«Нательный крест России» – десятая книга Альфреда Симонова. В центре повествования – старинная легенда, повествующая о явлении Животворящего Креста в небе над селом Годеново. «29 июня по старому стилю (11 по новому) 1423 года на Сахотском болоте пастухи увидели столп света, исходящего с неба на землю. Долго пробирались они к этому месту по непроходимым болотистым местам, а дойдя, увидели Чудо. В столпе света на воздухе стоял Животворящий Крест, а рядом с ним – образ Святителя Николая со Святым Евангелием в руках...»

И, конечно, в повести присутствует «вечная» тема автора – рассуждения о смысле бытия, о праве человека на поступок.

**ББК 86.372**

**ISBN 978-5-91722-301-8**

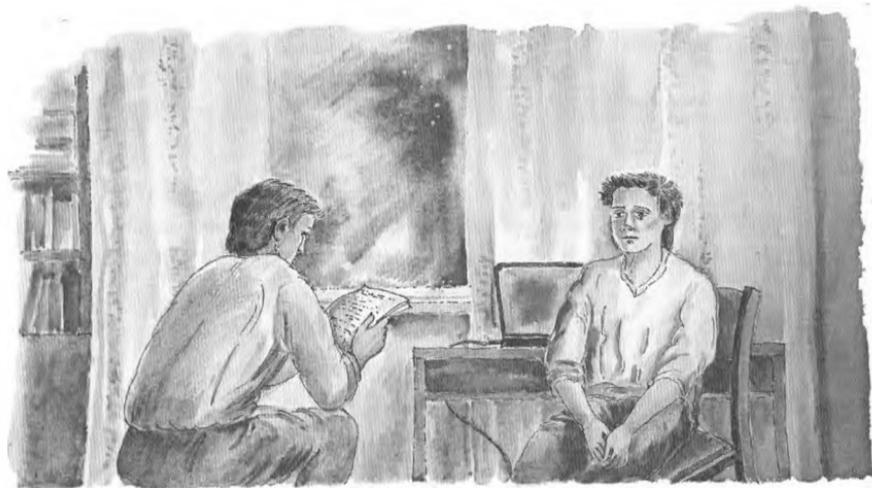
© Симонов А.Н., 2017  
© ИПК «Индиго», 2017

***Печатается  
по благословлению  
преосвященнейшего  
Феодора  
епископа Переславского  
и Углического***

***Допущено к распространению  
Издательским советом  
Русской Православной Церкви***

***(Номер Издательского совета – ИС Р17-708-0332)***

***Жене Вере***



## ЗЕРО

Алексей открыл своим ключом входную дверь и вошёл в прихожую своей недавно купленной и потому ещё необжитой квартиры, где пахло свежими обоями, и белый потолок просто слепил глаза, поскольку на нём ещё не было ни пылинки, а вместо люстры в гостиной сиротливо висела простая лампочка. Жене квартира не очень нравилась, слишком велика для троих, аукаться можно, да и уборки много. У неё было, как шутил муж, рабоче-крестьянское происхождение, и она, в отличие от него, никогда не знавшего, что такое теснота в доме, лет до семнадцати жила в обычной хрущёвке в «Черёмушках» маленького городишки, стоящего аккурат посередине главной и самой длинной железной дороги, ведущей из Москвы во Владивосток. Впрочем, из Владивостока до Москвы по ней тоже можно доехать, но нужно быть терпеливым и иметь склонность к созерцанию.

Там-то он её и повстречал. Встреча произошла в духе Чарли Чаплина; она торговала на станции трогательными цветами – обычными майскими ландышами, которые охотно покупали уставшие от долгой дороги люди, едущие из краёв,

где лета почти и не бывает. Для них ландыши в мае были в диковинку, и они ставили букетики на столики в купе впере-мешку с бутылками пива, стаканами, которые забыл забрать проводник, и пачками неугрызимого печенья. Аромат весенних ландышей не мог, конечно, заглушить запахи совсем другого сорта, которые чаще всего и доминируют в купе, где вентиляция никакая, а кондиционер – по праздникам.

В общем, Алексей выскочил на платформу, чтобы подышать воздухом провинциального вокзала и старых шпал, уложенных в штабеля и ещё не растащенных предприимчивыми жителями, и увидел ангела, который торговал нежными как он, вернее, она сама, цветами. Ангел, приветливо улыбнувшись пассажиру, заломил цену, приличную для букета породистых роз из Голландии, но он, пробыв почти год за полярным кругом, купил его, не торгуясь, с наслаждением вдохнул его запах и решил немного поболтать с девушкой. Но как только Алексей расплатился, небожительница сразу потеряла к нему интерес и стала высматривать других идиотов с Северов, но больше таких не нашлось. Поэтому она, воспользовавшись паузой в торговле, охотно ответила на несколько дежурных вопросов Алексея: сообщила, не без некоторого кокетства, что зовут её Настя, что в этом году, она едет поступать в театральный вуз в Москве и хочет стать киноактрисой. Внешность девушки позволила ей строить такие планы. Алексей, не растерявшись, тут же сообщил, что его знакомый кинорежиссёр намерен снять сериал и ищет подходящую женскую головку для крупных планов. И выразил готовность помочь бедной Насте стать богатой и знаменитой, о чём она видимо и грезила в своих девичьих мечтах. Он взял её координаты, номер телефона и вручил ей свою визитную карточку, на которой значились два магических для современных (тогда 15 лет назад) девушек слова – «менеджер» и «нефтяная». Поезд свистнул, и он, решив выполнить все правила игры, поцеловал её руку и потом, как киногерой, лениво догонял свой вагон и чуть не переиграл. Ещё немного, и пришлось бы ему задержаться на этой станции.

Но он пока ещё не знал – зачем ему ангел. И уехал.

В начале августа Настя неожиданно позвонила сама и сообщила, что её зачислили в театральное училище на актёрский факультет. Алексей поздравил девушку, о которой он, если и вспомнил тогда, то только (как и писал Александр Сергеевич), как о мимолётном видении. Настя очень простодушно спросила у Алексея, не сдаёт ли кто из его знакомых угол или комнату. «Только недорого», – оговорилась она. «Да, я понимаю, что недорого, время ландышей прошло», – попробовал он пошутить и предложил ей пожить у своей одинокой тётки.

Вспомнив сейчас о ней, он лишний раз понял старую истину – браки совершаются на небесах. В общем, они слетали на небеса, затем в отпуск в Анталию, и вскоре поженились. Для него, настоящего москвича, девушка оказалась просто находкой – и красива, и неглупа, и к домашней работе приучена. Последнее обстоятельство особенно понравилось его матери. Повращавшись среди богемы на первом курсе театралки, она ещё и научилась вести себя как настоящая леди – правда, иногда забывалась, и слово «яблоко» произносила так, как оно написано. Чем настораживала собеседников с изящными, как им казалось, манерами, но тут же всё превращала в милую шутку. В общем, домработницу новосёлы пригласили только один раз – окна вымыть, а так трогать свою крепость она не позволяла никому. Да и понятно. Театралку она бросила, поскольку скоро ребёнок родился, и охотно стала играть главную женскую роль в обычной, а не придуманной сценаристом, жизни.

– Где мать? – крикнул Алексей сыну, который, как обычно, сидел за компьютером и выходил в какой-то дурной игре на очередной уровень.

– На дачу уехала. Вечером приедет. Тебе обед там приготовлен.

– Ну, спасибо. Мог бы и разогреть его для отца.

– Да, сейчас, только закончу!

Алексей, немного раздосадованный тем, что радостной встречи не получилось, разделся, принял с дороги душ и пошёл на кухню, которая по старой советской ещё традиции так и осталась и салоном для светских бесед о политике, и столовой. Говорят, у

индийцев, принять человека на кухне – знак высшего уважения. Алексей и его жена не были индийцами, но уважение своим гостям оказывали именно индийское. И никто не жаловался и не обижался. Да и кухня была уже далека от советских стандартов и размеров 2 x 3. Это в лучшем варианте.

В боковом кармашке пиджака забулькал мобильник. Друг и Босс в одном лице – они вместе заканчивали московское военное училище – осторожно поинтересовался:

– Ну, что, как Париж?

– Хорошо. Еле выбрался сегодня. Такое творится.

– А что так? 8-е мая у них прошло. Все парады закончились.

– Да, зато наступило 10-е мая, такая демонстрация, по поводу новых законов о труде, еле проехали. Дал таксисту-алжирцу 50 евро сверху – и он нарушил все правила, какие можно, но довёз вовремя.

– А по контракту что?

– О'кей, придут через неделю. Готовь документы.

– Всё давно готово! Срыва не будет?

– Не похоже.

– Ну, хорошо, завтра увидимся. Отдыхай.

– Слушаюсь, господин-товарищ.

– Вот-вот, это правильный ответ.

– Ну, пока.

Алексей, съев всё, что приготовила жена, по старой и неизжитой привычке всё же открыл холодильник и долго всматривался в его холодные дали – что бы ещё ухватить, но потом передумал, оставив колбасу лежать на полке, хотя и понимал, что это ненадолго. Поесть он любил.

– Да, Павел, ты сделал, что я просил? – закрывая дверцу хранилища, спросил Алексей, почувствовавший после обеда тягу к воспитанию сына.

– Да, сходил 9 мая на Красную площадь с портретом твоего деда – фронтовика, бодро ответил, как отличник на уроке, парень, продолжая что-то искать в бесконечном пространстве интернета. Кстати, знаешь, как одна тётка назвала марш бес-смертного полка.

– Ну, плохого ничего лучше не говори. Рассержусь!

– Ничего плохого. Она сказала, что это Крестный ход XXI века. Как тебе? А я крестный ход видел только по телевизору, на Пасху.

– Да, сказано очень точно. Умеют у нас выстрелить словом – прямо в десятку.

– Кстати, о выстрелах, давно хотел спросить, а чего ты из армии ушёл, а? И дядя Лёня, твой босс, как ты его зовёшь. Платили мало? Сейчас бы уж полковником был, не меньше. А то и генералом.

– Я не сам ушёл. Мы закончили училище – а нас сразу демобилизовали. Идите – куда хотите. Мы и ушли с Леонидом в бизнес и не пропали. Кто в армии служил – нигде не пропадёт. Мотай на ус. А, в общем – времечко досталось неправильное. Всё разваливалось, даже армия!

Алексей включил телик и устроился на своём любимом диване. До приезда жены ещё было время, да и устал он после гонки по Парижу и перелёту в самолёте Эр-Франс, где половина пассажиров дрожала от страха перед террористами, не слишком надеясь на французскую полицию. На журнальном столике лежал неубранный со вчерашнего дня большой портрет деда в гимнастёрке и фуражке образца 1941 года. Снимали, видно, наспех; уходя на фронт, все хотели сделать может последнюю фотографию на память – все фотосалоны были забиты.

«Резкость плохо навели», – подумал Алексей. – «Надо бы убрать портрет до следующего 9 мая. На будущий год – если не уеду, сам схожу». Он ещё раз взглянул на портрет: молодой парень, лет двадцати, смотрел на своего потомка. Что бы он подумал о нём, если б увидел по-настоящему? Не пожалел бы, что каждый день рисковал жизнью за этих людей и ранен был так, что чуть ноги не потерял. Уже не спросишь. Жаль, не застал я его. Бабушка рассказывала, как он с войны вернулся, – вспомнил Алексей. – Пришёл поздно вечером, подвезли прямо до дому, за буханку хлеба. Стучится в окно – а жена его кричит: «кто там»?

– Я, муж твой, Николай.

– Какой муж? Мой муж дома!

Дед, рассказывали, чуть костылём окно не выбил, да опомнился вовремя, да и Зоя, бабушка, голос узнала.

Недолго прожил. Когда его не стало-то? В 60-м, кажется. Да, в шестидесятом. Точно. «Давно, давно», – последнее, что подумал Алексей и заснул.

Ночь затонировала стёкла квартиры в чёрный цвет, когда Алексей, наконец-то, проснулся. Дома! Хорошо дома! Хотя, Париж – тоже неплохо, и с погодой повезло. Правда, новизна восприятия этого города давно притупилась, многое примелькалось, и именно поэтому воспринималось не как нечто чужое, а как своё. Он там как-то даже зашёл в церковь Александра Невского, которую построили белоэмигранты. Было тихо и безлюдно. А в праздники, наверное, народу здесь – не протолкнуться. Как у нас. Алексей был крещёный, но в церковь почти не ходил: так, свечу иногда поставит за деда, да за других родственников, кого вспомнит. Воспитанный в атеистическом обществе, он редко, но всё же испытывал какое-то непреодолимое желание зайти в храм и просто постоять там, чтобы уйти от каких-то своих тайных страхов, сомнений, и обрести душевное равновесие. Вся тамошняя обстановка располагала к этому. И вся, накопившаяся в сознании дрянь, куда-то уходила, и он покидал храм успокоенным и умиротворённым. Правда, ненадолго. Бизнес, в котором он работал, требовал совсем другого состояния – готовности к борьбе, защите интересов, знания юридических уловок.

Жена что-то припозднилась. «Надо позвонить», – подумал Алексей, продолжая валяться на диване и пялиться в телевизор, где шёл какой-то тягучий сериал, хотя звук он предварительно выключил. И так хорошо. Настя, видно, что-то почувствовала и позвонила сама.

– Я скоро буду, уже в машину сажусь. Через два часа дома. Ты пообедал?

– Да, спасибо. Но могла бы и встретить мужа, неделю дома не был, в Париже мучился от тоски по семье и Родине.

– А я тебе верю! – со смехом ответила Настя. – Ну всё, я еду.

Алексей, неплохо владея английским, ещё немного почитал газеты, которые купил во Франции, чтобы занять себя чем-

то в самолёте, и посмотрел несколько статей о России. И нигде слова доброго не нашёл. Это раздражало, потому что на человеческом уровне всё было нормально, никто не требовал, чтобы он немедленно, прямо вот уже вчера, бросил на произвол судьбы Донбасс и вернул Крым. Большинству французов, с которыми он общался, было абсолютно всё равно – чей Крым. Тем более, что Крымская война была с Россией, а не с Украиной, которой вообще тогда не существовало.

«Европейцы, тоже мне, – подумал он о бывших украинских партнёрах, прервавших контакты с их фирмой. – Как у них всё просто: взяли типичную хохляцкую фамилию Порошенко, убрали оттуда первый и последний слоги и получилось вполне себе европейское, почти французская обманка, слово «Рошен». Ловко. Но с историей так не выйдет. Также хотят убрать оттуда начало и конец. И получить европейскую историю, без русских. Историю – обманку.

Так, надо остановиться. Давал же себе слово не думать о политике – чтобы настроение себе не портить.

– Павел, портрет прадеда своего убери в шкаф. До следующего 9 мая, – крикнул он сыну, продолжавшему сидеть за компьютером.

– Да сейчас. Лестницу надо.

– Да, возьми стремянку. Положи его на самый верх. Там все вещи, что ему принадлежали.

Павел оторвался, наконец-то, от компьютера, подставил стремянку к громадному дубовому шкафу, выкинуть который ни у кого не поднялась рука, даже при переезде – он служил уже многим поколениям этой семьи. В общем, Чеховский вариант: «Дорогой, глубокоуважаемый шкаф!». Всё что было ненужно, а выбросить рука не поднималась – хранилось именно там.

Павел взял портрет и полез по стремянке наверх. Отец встал на всякий случай рядом, чтобы подстраховать мальчика. Тот, пытаясь устроить портрет в шкафу, сделал какое-то неловкое движение, и оттуда выпала и грохнулась на пол синяя старая папка с завязанными тесёмками, чуть не задев отца и создав вокруг себя, как при взрыве, облако.

– Держись там покрепче, сам не упади, – предостерег мальчика отец и поднял папку с пола, несколько раз чихнув при этом.

Сын спустился на несколько ступенек и хотел забрать упавшую папку, но отец, прочитав название на корочке: «Нужное», сказал:

– Погоди-ка, интересно, что там? Я ж его бумаги не смотрел никогда. Хотел как-то даже выбросить – да бабушка не дала. Велела хранить. Вот и храним. Давай хоть взглянем, что там нужное такое. Наверное, конспекты трудов классиков марксизма-ленинизма. Тогда всех заставляли конспектировать. А прадед твой был профсоюзным деятелем. Слезай, посмотрим вместе, а то никогда не соберёмся. Мне некогда, а тебе не интересно.

Отец открыл папку и первое, что он увидел был выцветший синий конверт с маркой, на котором подчерком деда написано: «На восстановление храма на Родине, когда это будет можно! На себя не тратить, оболтусы!»

– Пап, оболтусы – это мы? – спросил сын.

– Видимо – мы же потомки, – ответил отец.

В конверте лежали пять длинных сотенных бумажек, каких Павел никогда и не видел. Он взял одну из них и стал с интересом рассматривать.

– Пап, деньги-то старинные. Даже с портретом Ленина. Интересно, их можно продать? Наверное, дорого стоят. Я бы новый айпад купил. У всех уже есть, только я один как...

Он не договорил, поскольку затруднялся подобрать слова, которые бы точно отражали его «несчастную судьбу». Вообще-то, ему было грех жаловаться. Но деньгами его не баловали. Так, подбросят иногда на карманные расходы тысячу-другую – и всё. А просить Павел не любил, привыкая к мысли, что не всё в этом прекрасном мире ему доступно.

Прошлым летом, когда ему надоело безденежье, а впереди был отдых с родителями в Греции, он даже сам решил заработать, устроившись в подростковую бригаду по программе «Чистый город». Получив за работу десять тысяч рублей, он эти деньги так и не потратил – жалко было; достались они через

пыльную, нудную, хотя и не очень тяжёлую работу. Это были другие деньги, свои, трудные. И он приберегал их на что-то понастоящему важное. «Так, ладно, о деньгах потом», – отец стал просматривать дальше бумаги, а затем начал там что-то читать.

– Пап, что там, дай посмотреть?

– Да что-то о нашей родословной, кажется... Пока не знаю! Да, не знал, что твой прадед был ещё и литератор. Хотя бабушка говорила – мастер был речи произносить.

– Здорово. Может мы с тобой какие-нибудь Долгорукие или Трубецкие, потомки князей или графов. Вот бы здорово! Сейчас многие ищут свои корни. Дай я почитаю...

– Ну, вот, сразу в графы. А в крепостные не хочешь? – На, почитай... А, давай вслух, – неожиданно предложил отец. – Сначала я, потом ты, как устану. Ну, пока мать не приехала, время есть. Вспомним твоё детство. Сколько я тебе сказок прочитал когда-то: «Колобок», «Курочку рябу»!

– Прикольно, давай – неожиданно согласился сын, который, если что и читал, то только в интернете. Но в рукописи содержалась какая-то тайна, и ему хотелось её узнать. В интернете этого нет!

Ну, начали, – сказал отец и прочёл заглавие: «Нательный крест России».



## ГЛАВА I

Как же не хотелось так рано вставать. Вместе с солнцем. А оно в июне недолго спит – только спрячется за зубчатую занавеску тёмного леса, прикорнёт на лежанке своей из мягкого мха и снова появляется, такое большое да красное. Пашке, когда он смотрел на восход, показалось, что на Сахотском болоте вырастает из земли огромная клюквина. Сёстры часто брали его с собой, когда ходили по осени на болото собирать эту ягоду, заодно и подберёзовики на кривых ножках, в изобилии росшие на кочках под чахлыми берёзами. Ходили обычно по краешку, где топей не было. А то, бывало, забирались люди вглубь – да и пропадали. Тятка говорил, что их либо леший захороводил, либо русалки утопили в омуте. Страшно! То ли дело по лесу бродить, да землянику собирать – сладкая она да душистая, не то что кислая клюква. Правда, напиток клюквенный, что готовила мать, мальчик любил, особенно если туда мёду добавить.

А солнце-клюквина, меж тем, брызнуло своими красными лучами на небо, и природа начала создавать свою самую лучшую картину – солнечное утро. Глаз не оторвать, если смотреть. «Божья улыбка», – говорил его отец в этих случаях.

– Вставай, Пашка, лошадь уже запрягли, сейчас за околицей все соберёмся и в путь, – сказал отец, потрепав мальчика по волосам и подпоясывая новый кафтан кушаком. – До Ростова версты немеряны, а меньше чем за день не добраться. До темноты надо успеть до места. – Отец огляделся, не забыл ли чего: дорога есть дорога – если забыл что, то где возьмёшь?

– Дубинку-то не забудь, да под сено спрячь, – напомнила мать, заворачивая в узелок немудрящую еду.

– Не бось, нас пятеро мужиков здоровых, отмахнёмся от татей, если что. Один Егор чего стоит: только замахнётся – и все полягут. Богатырь, а не крестьянин.

– Да в прошлом-то годе, как тёлок возил на базар, под Ростовом-то, еле ноги унесли от супостатов. Вместе с Егором – сам сказывал, – съязвила жена.

– Да какие супостаты. Местные мужики промышляли, из придорожной деревни. Их уж все знают, кто мимо ездит. Днём-то смиренные да мирные, а к вечеру, как стемнеет, уж правда, лучше не попадаться. Разденут и голого по миру пустят. Поэтому и едем ватагой. Нас сегодня много, да и вилы припасены, если что. Отмахнёмся. Да они уж нас знают, поопасаются.

– Ладно, там как свинок-то продашь, на медовуху не налегай, – просящим голосом продолжила наставление жена. – Ребёнок с тобой малый. Зря ты его с собой берёшь, пусть бы дома сидел, с мальчишками играл.

– Пусть привыкает к дороге и к торгам. Маленький. Десять годков, какой же маленький. Я уж пахать ходил с отцом, да сеять помогал, когда такой же был. А ты его всё бережёшь...

– Ну, так что? Наломается ещё – один мужичок-то растёт.

– Да ещё бы надо парочку, чтоб уж три брата были, – засмеялся отец, надевая высокую шапку на голову. – А то одни девки в доме.

– Тятя, не забудь, что обещал, – высунулись из-за занавески две русые головки сестрёнок, им тоже не спалось.

– Не забуду, да и Пашка напомнит, если запамятую.

– Ты как всё продашь да купишь, что надо – сразу домой. – уже более твёрдым голосом сказала мать. – А то изведёмся все.

– Не один еду. Как мужики решат!

– А ты постарше других, да поумнее, вразуми если что.

– Хорошо ли завернула?

– Всё здесь. И еда, и вода, – жена подала Онуфрию мешок, где кроме узелка с едой, стояли ещё два глиняных кувшина с клюквенным напитком, чтобы было в дороге чем утолить жажду.

Пока мать с отцом переговаривались, мальчик успел одеться, натянуть на ноги новые лапотки, которые сплёл ему сосед их, Никифор, одинокий мужик, промышлявший тем, что бочки делал да телеги мастерил. Всё умел, а вот колёса к телегам ему не давались. Зато у него лапти получались – просто загляденье, ладные да аккуратные – любо-дорого. К нему и из других деревень приходили, просили сплести, особенно парни молодые. А он никому не отказывал, а за работу брал в основном едой. Тем и жил.

Зевнув так, что чуть рот не свернул, Пашка, вышел на улицу, влез в телегу и развалился на сене, намереваясь поспать дальше. Отец, положил мешок с молодыми поросятами посередине и сказал кобыле: – Но, милая! – И телега медленно покатила к околице, где их уже ждали другие мужики со своим товаром: кто вёз шкурки пушных зверей, добытых в местных лесах: и куниц, и лисиц, и зайцев, а среди всего этого добра выделялись огромные медвежьи шкуры, из которых делают потом тёплые шубы. Кто-то вёз на базар мёд диких пчёл, вкусный да ароматный, добытый с большим трудом, кто-то более рукодельный, пеньку да верёвки, свитые из неё, которые охотно покупали горожане, а особенно рыбаки. Ростовское озеро Неро славилось своей рыбой. Кто-то и лаптей наплёл в надежде сбыть их в городе, хотя горожане предпочитали ходить в кожаных сапогах – после дождей на дорогах раскисших трудно было ходить без сапог. И лапти тут не спасали. Грязища, одним словом.

Мужики в этом селе хозяйственные жили, умели не только рожь да репу сеять. Недаром парни из этого села считались завидными женихами во всей округе; знали невесты, с этими ребятами не будешь каждую корочку горелую считать. А уж о девушках и говорить нечего – высокие да статные, с косами до пояса, да румянцем во всю щёку – так и веяло от них силой да

здоровьем. Ну так, по крайней мере, они сами о себе говорили, когда в другие деревни попадали. Сам себя не похвалишь – и другие не похвалят. Правда ведь? И если бы не поборы ханов монгольских да своих князей – совсем бы неплохо жилось. А тут каждую осень, как урожай уберут, начиналась главная забота да кручина – приезжали сборщики податей и забирали с каждого двора свою долю. А доля та немалая. И не было в этих людях ни жалости, ни сострадания. Недаром – говорили в народе, главный-то гонитель Христа был мытарь, сборщик налогов. как сказано в писании, но услышал он всё-таки однажды голос Иисуса, прозрел и стал его верным учеником Павлом. Но те, что приезжали сюда за податями – были глухи к любому голосу, взывающему к состраданию. Иногда могли и последнее забрать, обрекая целую семью на бедствия. И здесь одна надежда – на Бога да на соседей. Всегда услышат и выручат. В последние годы монголы сюда не заглядывали, после битвы Куликовской, в которой участвовали несколько местных мужиков, подати для них собирали местные князья. Всё полегче.

– Ну, Егор, погоняй, – крикнул Онуфрий самому рослому мужику, сидевшему в первой телеге, и обоз тронулся в путь, поскрипывая колёсами и сопровождаемый дружным лаем собак, не упустивших такой случай высказать на своём собачьем языке всё, что они думали о тех, кто нарушил их чуткий сон. Как съехали с горки вниз, так низина началась, дорога там никогда не просыхала от сырости – вязкая грязь налипала на колёса, и лошади с трудом тащили нагруженные телеги. Мужики лошадей жалели, все слезли и пошли рядышком, изредка подбадривая животин ласковым словом.

А потом снова началась возвышенность, дорога стала твёрдой да сухой, и ехать стало куда веселее. Грязь с колёс постепенно отлетела, оставляя на сухой дороге чёрные ошмётки, пометившие путь, но ехали всё равно не спеша. Дорога была хорошо известна мужикам, и хоть часов у путников не было –

они на Руси появятся попозднее и простым людям будут не по карману, время и расстояние они определяли по солнцу и зна-

ли, что приехать они должны на закате. Колёса их телег много раз рисовали кривые ленточки на песчаном грунте не только до Ростова, но и до самого Переславля, где когда-то княжил сам Александр Невский – победитель шведов и немцев, приходившим на Русь с отборным войском рыцарей, хорошо владевшим военным искусством, и которым, казалось, не было равных на поле битвы. Ан нет, разбил их Александр Ярославич, выгнали тогда русичи и тех и других и утвердили рубежи Отечества. А вот с татаро-монгольскими ханами Александр Ярославич не воевал, понимал мудрый воин, что силы пока неравны, что голову сложить просто – а вот какая польза от этого Руси? И с ордынскими ханами он предпочитал разговаривать, добиваясь для страны разных уступок и поблажек. За то, говорят, и отравили его недруги, которые считали, что лучше хорошая война чем плохой мир. Но для сожжённой врагами Руси плохой мир был нужнее, а хорошая битва ещё впереди.

А завтра большой торг не в Переславле, а в Ростове, туда и ехали окрестные крестьяне продать свой товар, да купить товар городской – топоры да пилы, да серпы зубчатые, да замки крепкие, да ткани нарядные и украшения заморские – для жён любимых да невест пригожих – это уж те, кто побогаче, у кого деньги водились. А так-то обходились своей тканью, для того и лён сеяли, хоть возни с ним было много – и дёргать тяжело, как вырастет, и в снопы вязать, и в реке вымочить, и высушить, и мять, и трепать его долго, пока не получится из жёстких стеблей мягкая кудель, из которой и сучили нитки на прялках резных. Каждая семья старалась обзавестись самой нарядной прялкой: либо раскрасят её цветами разноцветными да птицами диковинными, либо узорами затейливыми, либо резьбой искусной. А как ниток нарядных – тут за ткачество принимались, во многих домах стояли деревянные станки, неведомо когда и откуда привезённые в эти края. А, может, и местные мужики их сделали. Об это уж никто и не помнит, так давно это было.

Любил Пашка зимой, на печь забравшись, слушать протяжённые песни, которые пели его мать да сёстры, когда кудель трепали либо нитки сучили. Песни всё красивые, да

уж больно грустные – всё о разлуках да расставаниях, да об ожиданиях разудалого милого, который должен приехать. А чаще пели вообще без всяких слов. Полежит-полежит Пашка – да и заснёт под эти песни. Потом проснётся – а женщины всё ещё работают и вполголоса поют, да меняют лучники в светце, когда очередная щепочка прогорит и упадёт её обгоревший кончик в горшок с водой, чтобы изба случайно не загорелась. А пожары часто случались: то молния ударит, то крыша соломенная вспыхнет от искр – всякое бывало. Даже часовенка малая, что стояла на самом высоком месте – однажды загорелась. Молния в неё попала во время грозы. Хорошо мужики успели иконы из огня вынести. А часовню потом новую поставили. Хотели мужики после того случая срубить церковь, да всё как-то собраться не могли. То зима мешала лютая, то лето дождливое, то ещё что. Так и жили.

– Знать, время ещё не подошло, – говорил по этому поводу Онуфрий. – Но всё равно построим, как же без церкви-то, мы же православные, где храм там и Бог.

Корил батюшка местных мужиков за медлительность – да всё как-то разговорами и закончилось. А потом уж и говорить об этом перестал.

Пашка под монотонное движение телеги опять задремал. Да и хорошо. Ему кто-то рассказывал, что кто много спит, тот быстрее растёт. Может поэтому он и любил поспать – видно вырасти хотел побыстрее.

– Эх, не забыть тятке напомнить, чтобы бусы и серёжки сестрёнкам купил. Они просили. – С тем он и уснул. Что ж – сон крепкий продлевает жизнь и сокращает дорогу. А дорога предстояла длинная.



## ГЛАВА II

– Вставай, соня! Всё на свете проспишь! Вторую ночь себе устроил. Знаешь ведь: кто рано встаёт – тому Бог подаёт. – Отец погладил Пашку по волосам цвета спелой соломы, которые после спанья на сене стали похожи на развалившуюся скирду на голове.

– На-ко, расчешись, – отец достал из кармана деревянный гребень, который всегда носил с собой. Во всём он уважал порядок – что в голове, что на голове.

Обоз остановился, прижавшись к краю дороги, поросшему крупными ромашками да всякой травяной чепухой, которой и названия-то нет. Перекрестившись и прошептав молитвы, странники развязали узелки и стали закусывать, чем Бог послал, да что жена дала. А, в основном-то, на хлеб ржаной налегали, испечённый утром и ещё тёплый, запах от которого сразу вызывал волчий аппетит, даже если до этого человек и вовсе есть не хотел. А тут – все уже проголодались порядком. «Хлеб – всему голова» – всегда говорили на Руси. Правильно говорили! Хлеба поешь, и голова заработает!

Поев сами, накормив и напоив лошадей, мужики опять стали торопиться продолжить свой неблизкий путь, но увидев вдалеке какую-то группу всадников решили чуть повременить, и стали нащупывать вилы, лежавшие под корзинами да узелками. Так, на всякий случай, если что! Напряглись путники, затревожились, да потом как разглядели всадников – отлегло от сердца. Да и понятно: в сторону Москвы двигался небольшой отряд княжеских дружинников, на красавцах конях, холёных да кормленных. Несмотря на жару все были в тяжёлых гибких кольчугах да шлемах, а руками придерживали мечи в ножнах, висевшие с боку.

– Ишь, как обряжены-то, будто перед битвой, – пробормотал отец Пашки, разглядывая приближающихся воинов с усталыми лицами – видно давно едущих. А мальчишка глаз не мог оторвать от настоящих русских богатырей, красивых и грозных, которых он увидел впервые в своей жизни. От одного вида этих молодцов враги должны разбежаться в стороны да прятаться по-дальше.

– А, так вот, в чём дело, ну не приведи Господь, отведи беду, а то и нам несдобровать. Гляди, Пашка, вон, впереди-то. Понятно, почему они мечи-то приготовили. Мальчик повернулся в противоположную сторону и обомлел от страха и от любопытства: навстречу русскому отряду, так же не торопясь, в полном облачении с круглыми щитами и кривыми саблями, ехал на низкорослых степных конях монгольский отряд. Правда, воины были без шлемов, зато в каких-то шапках с лисьими хвостами. Хотя кто знает, чьи это хвосты.

Мужики на телегах совсем притихли и с тревогой смотрели, как сближаются две группы воинов, решительных и готовых к бою. Численного перевеса, как заметил Онуфрий, не было ни у тех, ни у других.

– Ну, что же, – подумал Онуфрий, – если что – не отсидеться! Или бежать, или за вилы взяться да помочь своим. Но татары потом отомстят, дознаются, да сожгут всю деревню. Вот тут и думай...

– Если что, беги в лес, татары туда не сунутся, – прошептал он на ухо мальчику. – Иди, спрячься в кустах пока.

Мальчик юркнул в стоящие неподалёку заросли ивы и там затаился, дрожа от страха. Дорога была узкая, да ещё телеги заняли половину проезжей части и могло так получиться, что никто не захочет уступить друг другу.

– И что тогда, – думал Онуфрий, – страшно подумать. Но мужики, затаившиеся в телегах, не могли знать, что начальники обоих отрядов были люди бывалые, да и повода для стычки не видели. Монгольский отряд обеспечивал безопасность какого-то мурзы, выделявшегося среди воинов более богатыми доспехами, и им надо было доставить его живым и здоровым, да и у русских тоже был какой-то приказ, который они должны вы-

полнить. Поэтому оба отряда, повинаясь едва слышной команде, незаметно создали между собой дистанцию, на которой они не заденут друг друга и спокойно минуют опасный участок, не уступив дорогу. Когда начальники отрядов поравнялись, они даже кивнули друг другу и спокойно проехали мимо. Да, после



Куликовской битвы присмирели монголы, не лезли в драку по любому поводу.

Когда монгольские воины скрылись за поворотом, начальник русского отряда подошёл к отцу Павла, видимо, поняв, что этот немолодой мужик с рыжей бородой старший.



– Вовремя мы здесь оказались, а то бы поставили Вас татары на колени. Вишь, с ними важный ханский посланник едет. – Так куда путь держите, православные?

– В Ростов батюшка, в Ростов, – поспешно ответил Онуфрий. На базар едем, продать кое-что.

– По дороге не обижали Вас? А то слух идёт – разбойничают в этих местах мужики. Вы не из них будете? Вон и вилы у Вас приготовлены, – засмеялся дружинник, снимая с головы шлем и пряча его в какой-то кожаный мешок, пристёгнутый с боку у коня.

– Да что ты, батюшка. Мы из села Годеново, к нам и дорогого нет – любой конь увязнет. Где уж нам бедокурить. Да и Бога боимся, греха брать на душу никто из нас не будет.

– Ладно. Показывайте, что везёте! – Дружинники быстро осмотрели поклажу путников да и отпустили с миром.

Опасность миновала, и все путешественники немного повеселели, а Пашка, выбравшись из кустов, опять устроился на телеге, да только не сиделось ему на месте. Вертел головой во все стороны, рассматривая оружие воинов и сбрую их коней. А Онуфрий, слышавший в своей деревне ещё и острословом, не удержался и с улыбкой человека, мало что смыслящего в военном деле, спросил у начальника отряда, который без шлема уже не казался таким грозным и непрístupным:

– А что, православный, долго ли ещё эти, в шапках-то летом, по нашей земле ходить будут? Может пора им шапки-то снимать? И, чуть выждав, добавил: вместе с головами!

Усмехнулся воевода на шутку Онуфрия и ответил:

– Смелые Вы, мужики, в своих телегах, когда мы рядом. А когда нас нет – тише воды, ниже травы. Вы сейчас не очень торопитесь, в одну сторону с татарами едете. Мало ли что. Да, расшибли мы Мамаю его войско на Куликовом поле, да не до конца. Ничего, не долго им осталось вот так-то гулять. Вон у тебя какой боец-то растёт. Сразу храбро в кусты, как завидел шапки хвостатые. Придёт время, он и прогонит их обратно в степь. Пусть живут своим трудом, а не грабительством.

– Ну, малец, хочешь меч в руках подержать? Сразу бояться перестанешь! Подойди, не бойся.

Пашка хотел сначала за отца спрятаться, да стыдно стало. Что он – маленький что ли? И он поспешно ответил:

– Ага!

– Ну, подойди сюда, держи!

Воин вытащил из ножен меч, мощное оружие, способное поразить любого врага и разбить в дребезги любые доспехи, и протянул его мальчику рукояткой вперёд.

– За ручку возьми, а то обрежешься, – предупредил он.

Пашка обеими руками схватился за рукоятку и чуть не уронил меч – такой он был тяжелый.

– Ну что, ратник будущий, силы в руках маловато? – Он забрал оружие и вложил его в ножны.

– Набирайся силёнок, ешь побольше, да работай поменьше, – усмехнулся воевода. – Ну, Бог в помощь. – Он, вложив ногу в стремя, тяжело поднялся в седло.

Немолод уж был воевода, да видно отдыхать ему ещё время не пришло. Да и неизвестно, чем бы кончилась сегодняшняя встреча, будь во главе отряда молодой да горячий. Дорогу не поделить просто, а вот сделать так, чтоб и достоинство сохранить и кровь не пролить – это главное искусство, которым хорошо владел воевода. Помимо владения мечом. Ну, и противник был ему под стать.

Воины вскочили на своих коней, правда шлемы тоже поснимали и попрытали, жарко было. А вот кольчуги пока оставили, мало ли что в дороге случится. И отряд поехал, не торопясь, по пыльной дороге, по которой можно доехать хоть до Москвы, хоть до Ярославля. Сказывали, есть такой город на Волге. Да только ехать до него не меньше трёх дней, и никто из мужиков там не бывал. Многие считали, что за Ростовом вообще ничего нет – ни городов, ни деревень. В их село, стоящее в стороне от большой дороги, редко заходили чужие люди да странники, которые могли бы что-то поведать об иных землях, да как люди живут, чем землю пахут, какую одежду носят, да что на обед едят. Знали они точно только одно: там, далеко-далеко тоже живут русские люди, одной с ними веры и говорящие на том же самом языке. Только где-то окают, где-то акают, где-то букву «Г» не так произносят. А так всё одно! Одно целое!

Правда на праздники церковные приезжал к ним молодой священник, службу проводил в небольшой деревенской часовенке, где на почётном месте стояла старинная, почерневшая от времени икона Спасителя, а рядом новенькие иконы Пресвятой Богородицы и святителя Николая, особо почитаемого в здешних местах. Откуда взялась старая икона – никто уж и не помнил, а новые мужики купили вскладчину у здешних суздальских да владимирских богомазов. Мастера там, в Суздале, были искусные, славились по всей Руси своим умением создавать Божественные образы и церкви расписывать. И хоть стоили те иконы не дёшево, мастера знали себе цену, мужики торговаться не стали, не дело торговаться в делах божественных. Хотя, если дело доходило до покупки или продажи на торгах обычных, тут уж равных им не было. Любого перекричат и цену возьмут ту, которую сами назначили. Но из-за этой неуступчивости иногда приходилось им возвращаться и с непроданным товаром. А тогда и рады бы продать за любую цену – да где там, все покупатели разъехались.

Обоз приехал в Ростов уже под вечер, мужики специально придерживали лошадей, чтобы не дай Бог, не нагнать татарский отряд, ну и припозднились. Въехав в город, они поспешили к знакомому мужику, который был женат на их односельчанке и содержал небольшой постоялый двор. Они всегда там останавливались, когда приезжали, поскольку хозяин по-родственному денег с них не брал за ночлег, ну а еда у них была своя. Правда, всегда привозили гостинцы для хозяйки, которые ей посылали родственники, да припасы разные к зиме. Онуфрий и его спутники первым делом стали выпрашивать у постояльцев, какие на их товар цены, хорошо ли покупают, большую ли мыту берут за торговлю. Чего-чего, а продешевить ненароком им не хотелось.

Утром, расположившись со своим товаром на базаре, Онуфрий, Егор и другие их односельчане стали поджидать покупателей. Утро-то раннее, народу было немного, а те, что были, просто глазели по сторонам, изредка приценивались, но ничего не покупали. Воров здесь кружило немало, знали мужики это,

поэтому зорко следили за каждым, кто к ним подходил и осматривал товар. Егор, здоровенный мужик со шрамом в пол-лица, который он получил в драке с парнями из соседнего села, повздорив из-за девушки, имел вид угрожающий и отпугивал воров. Ну, а обычным людям его внешность не помеха. С лица не воду пить, лишь бы товар был хороший, да цена подходящая.

Когда солнце стало уже пригревать, появились первые настоящие покупатели. Онуфрий сначала цену-то заломил высокую, ну а затем, как бы из уважения к покупателю и после долгих разговоров, снижал её постепенно, делая вид, что уступает человеку. Ну и продал всех поросят за хорошую цену. По крайней мере, и покупатель доволен, что его уважили, и продавец не в накладе. Пашка всё время рядом вертелся, разглядывая горожан, потом отошёл от отца поглазеть на сладости, которыми торговал восточный купец. Хотелось ему их попробовать, да дорого, наверное, отец денег не даст. А тот, увидев, что это сын торгующего неподалёку человека, подозвал мальчика и угостил его каким-то сушёным фруктом, мягким да сладким.

– Скажи отцу, пусть купит у меня что-нибудь для детей да для жены, – с трудом подбирая слова, сказал купец.

– Спасибо, скажу, – пробормотал мальчик и вернулся к отцу, с удовольствием распробовав угощение.

– Чего нехристю-то надобно? – спросил отец у Пашки, пряча мешочек с деньгами глубоко под кафтан. Он все торги закончил, и пришла пора деньги тратить на нужные в хозяйстве товары.

– Угостил меня, вкусно. Просил, чтобы ты у него купил что-нибудь.

– А, ну давай, подойдём, посмотрим, что у него есть.

Отец подошёл к купцу и купил у него немного заморских сладостей, чтобы угостить домочадцев, чем очень обрадовал купца, у того покупателей было мало. А затем иноземец предложил Онуфрию посмотреть украшения женские – бусы, браслеты да серёжки. Они поторговались для порядка, отец купил для сестрёнок утеху женскую – украшения немудрящие, а потом уж пошёл делать покупки по хозяйству.

К вечеру после торгов, усталые мужики собрались в горнице за большим столом поесть да выпить медовухи. Торг был удачный, даже лапти разошлись. По малой цене – а всё деньги не лишние. Мужики для начала вытащили свои узелки и стали доедать остатки от того, что завернули им с собой жёны, решив попусту деньги не тратить. За еду-то платить надо. В это время в горницу вошёл стражник, который охранял постоянный двор и следил за порядком, и с усмешкой, посмотрев на мужиков, жующих хлеб с салом, потребовал себе горячую кашу с бараньим боком. Знал лукавый старик, чем пронять скуповатых селян, да угодить хозяину постоянного двора. Как только горшок с едой вынесли в горницу и поставили на стол перед стражником, аппетитный запах распространился по всей комнате и мужики не устояли. Руки сами полезли в потаённые места в одежде за кожаными мешочками с деньгами и все, кроме Онуфрия с Пашкой, потребовали себе такой же каши по горшку да медовухи по ковшу. Онуфрий крепился до последнего, но когда его односельчане стали уписывать вкусную да горячую еду, запивая её медовухой, он тоже не выдержал, спросив Пашку:

– Кашу будешь есть?

Мальчику тоже было жаль денег – он был сын своего отца, но уж очень хотелось ему отведать городской еды, и он торопливо ответил:

– Буду, буду!

Вскоре им тоже принесли по горшку с огненной кашей, а Онуфрию кувшинчик со хмельным напитком. А как поели, да медовухи хлебнули, тут уж и разговор пошёл с шутками, прибаутками, смешками да подковырками. Самым разговорчивым оказался стражник, охранявший постоянный двор от конокрадов да лихих людей. Лет ему было уже немало, недаром голова-то была свободна от волос, и мужики не раз уже советовали ему брать деньги с хозяина за то, что от его лысины, отражающий свет, в горнице светлее и свечей надо меньше. Стражник не обижался, человек он был бывалый, говорили, что он участвовал в Куликовском побоище, когда в молодости служил в княжеской дружине. Обычно он об этом помалкивал, видно не больно-то хотелось ему вспоминать те славные, но тяжёлые дни, но сегод-

ня что-то на него нашло. Может медовуха подействовала, а может рассказ Онуфрия о встрече на дороге с татарским отрядом.

– Да, изменились нехристи, посмирнее стали, укоротили мы их тогда. Я-то у Боброка оказался, в засадном полку. Воююда наш был мужик бывалый да мудрый, точно рассчитал, когда надо ударить по Мамаю. Наших-то совсем уж было стали прижимать к речушке Непрядве, нехристей-то больше было, бьём-бьём, а всё не убывают. Бились монголы крепко, хотя сабля против меча не всегда выдерживала. Но меч тяжелее, руки быстрее устают. Мы уж истомились в засаде, а сигнала вступить в бой всё не было. Говорят, князь-то Дмитрий к этому времени уже ранен был. Ну, Боброк сам понял, что пора вдарить по Мамаю. У них свежих-то сил не было, они всё литовина ждали, Ягайло, но тот поопасался и не пришёл к ним на подмогу. И правильно, а то бы тоже получил. Как двинулись мы на врагов, свежие да сильные – ну, монголы и побежали, всё побросали – и обозы и раненых. Мы всё хотели их хана изловить – да куда там, кони у них быстрее оказались, ушёл Мамай.

С тех пор угомонились маленько, да не совсем. Через несколько лет опять пришли с войском и Москву сожгли. Ну, да времена уж не те. Скоро мы их вытесним с нашей земли. Бог-то он с нами, он нам поможет. Ну что, возвеселимся, братия! Эх, сюда бы сейчас скоморохов да дудочников с гусярами. Спеть да сплясать, раз случай такой, – закончил рассказ повеселевший бывший воин.

– Грех это, беса только тешат эти твои гусяры, – вступил в разговор человек в чёрном монашеском одеянии, сидевший в тёмном углу и молча наблюдавший за разговором.

– Это почему же? – удивился Онуфрий. – Где же сказано, что Господь запретил веселие. Нигде этого нет.

– А вот, сказывают, сам правда не видел, что на стене святой Софии, что в граде Киеве, на стене плясуны да дудочники изображены, – вставил опять словечко своё стражник, оторвавшись от остывшей каши.

– Брехня, не может быть такого, – ответил монах. А если кто тайком и сделал такое изображение, Бог его давно уж наказал. В аду гореть будет.

– Ну, не знаю, мы люди тёмные, знаем мало, – примирительно сказал Онуфрий. Не хотел он спорить с духовным лицом, да и монах был уж очень суров с виду. Да и кто он и откуда, кто знает? Длинный язык-то – он всегда не к месту.

– Эй, Пашка, – чуть заплетающимся языком сказал Онуфрий. – Напомни завтра новое колесо к телеге купить. В запас. Здесь колёсники знатные.

– Зачем деньги попусту тратить, – ответил хозяйственный Пашка. – Сосед сделает, он всё умеет. Телегу тебе сделал хорошую.

– Никифор-то? – Всё умеет, а колёса – нет. В соседнем селе покупает, когда телегу мастерит. Колесо, брат, сделать – это не оглоблю обтесать. Тут умелец должен быть, да ещё какой, понял?

– Тять, а кто колесо придумал? Здесь что ли кто, в Ростове?

– Ну уж, в Ростове! Скажешь тоже. У нас его и придумали. А кто первый – кто ж его знает. Нигде не записано об этом. Только я думаю, что это Афанасий, за озером живёт да избы рубит. Знатный плотник. Правда от того, что он всю жизнь топором бревна тесал, в наклонку, его к старости согнуло, и он теперь в постоянном поклоне находится. Он ведь и нашу избу рубил, чем плоха – и просторная, и тёплая, и прочная. В прошлом году берёза старая во время бури у нас сломалась, да упала в сторону избы. Крышу только и повредило – а дому ничего. Всё цело. И мы все целы. Вот какой умелец.

Мужики с интересом прислушивались к разговору мальчика с отцом. Всё интереснее, чем монаха слушать, который за песни и пляски ад обещает. А какой ад – отец Серафим показывал на иконах, такие картинки – страх берёт.

– Так как же он колесо-то придумал? – спросил Егор, додая кашу и хлебнув из кувшинчика медовухи. Он знал, что Онуфрий может и приврать, но он даже врёт искусно.

При его росте – что ему кувшинчик маленький, так, на зуб один. Поэтому, наверное, он был совершенно трезв, в отличии от развеселившихся селян.

– Ну, как? – начал Онуфрий, делая серьёзное лицо. – Помнишь, раньше-то брёвна волоком таскали из леса. Брёвна пор-

тились, трескались не годились для дела. И вспомнил Афанасий, как он, когда ещё мальцом был, пошёл как-то ранним летом по грибы. Походил по чащам да опушкам, да время-то ещё не грибное было, рано грибам вылезать на свет. Только и нашёл два больших красавца подосиновика. Дома решил их высушить на солнце, хозяйственный был парень. Ножки-то срезал, они червивые оказались. И остались у него две шляпки. Прodel он посередине веточку крепкую да поставил на стол. А тут ветер подул – они и покатались. Запомнился Афанасию этот случай, а когда нужда пришла, вспомнил, как грибы катились и сделал два колеса, похожие на шляпки грибные и к телеге приспособил. Так вот колёса-то у нас и появились. Он мне сам рассказывал, Афанасий-то. Ещё когда прямой ходил.

– Ну, Онуфрий, и выдумщик ты, – засмеялся Егор. – Из грибов похлёбка хороша, а не колёса.

– Точно, – поддержал его стражник, – похлёбка знатная, а колёса никудышные. – Он отодвинул от себя пустой горшок.

– Эх, вкусно, да мало, хорошо да всё! А пустой горшок – как мужик без порток.

– Хватит с тебя – брюхо-то наел, как боярин какой, – сказал Егор, нисколько не обидевшись на недоверчивых собеседников.

– А ты что же голодуешь, – обратился Онуфрий к монаху, который сидел за столом, уткнувшись взглядом в одну точку. Перед ним не стояло ни миски, ни горшка, ни ложки.

– Или совсем с деньгой туго. Скажи, мы голодным не оставим божьего человека.

– Ну, меня Бог напитал, никто не видал. Сыт я. Передохну, да утром дальше пойду, – вступил в разговор монах.

– Далёко ли путь держишь?

– В Москву, монастырь строить там буду, да стены расписывать. Вся Русь теперь на Москву смотрит. На неё надежда. А не на Киев и Владимир! Оттуда придёт освобождение от басурманов. – Монах говорил отрывисто, как будто с трудом произнося слова. Видно было, что нездоров человек.

– А ты откуда знаешь?

– Да уж знаю! Я многое ведаю. Вот ты тут про колесо рассказывал сказку. А его, колесо-то, греки придумали, давным-

давно. Ещё до рождения Христа. Оттуда и к нам оно пришло, да не только колёса, а и вера наша православная.

– А, где же эти греки живут? В какой стороне?

– А вот в полдень посмотри, где солнце стоит на небе, в той стороне и Греция. Оттуда к нам пришёл свет веры святой.

Мужики давно уж перестали слушать умный разговор и только Онуфрий ловил каждое слово монаха. Учёный человек, сразу видно, и грамоту, наверное, знает. С таким поговорить – радость для сердца и души.

Не часто ему удавалось беседовать с такими людьми, но уж если удавалось, он старался узнать от них побольше. Когда молодым был, тесно ему было в родном селе, хотел уйти странствовать, чтобы свет Божий повидать. Любопытно ему было, как в других-тех местах жизнь устроена. Да неожиданно-негаданно влюбился в девушку хорошую да работающую, женился, а там и дети пошли, так что где родился, там и пригодился. Может, поэтому он так любил эти поездки на торжища, которые встречи дарили интересные, и узнавал он много того, чего бы никогда не узнал, если б дома сиднем сидел. Зимой, когда дел поменьше, любил он, лёжа на печи горячей, поразмышлять о жизни своей, да о Боге подумать. Только вот поделиться-то своими мыслями совсем не с кем. Не любили мужики праздные разговоры, а жена, что ж жена, баба, её дело хлеба печь да за детьми смотреть. За целый день не присядешь. Не до разговоров. Правда, когда к ним батюшка приезжал службу служить, тут уж он отводил душу. Но ненадолго. Батюшка-то вечно торопился. Отслужит, да и домой, в своё село. Семья у него была большая, семеро по лавкам, как он говорил, да жена красивая да молодая. Да и не очень-то ему хотелось с Онуфрием разговаривать, вечно такой каверзный вопрос задаст – что и сказать, не знаешь. Последний раз, дней этак пять назад, когда батюшка приехал в их село на престольный праздник, Онуфрий возьми да спроси, когда речь зашла о земной жизни Христа: улыбался ли он.

Батюшка долго морщил лоб, а потом неуверенно ответил:

– Не помню, Онуфрий, чтобы где-нибудь упоминали об улыбке Бога-сына. Нет тому свидетельств. А может, пропустил я то место в Евангелии святом, где об этом писано.

– А я думаю, – возразил, то ли себе. то ли священнику, любопытствующий мужичок, – улыбался. Вот ты нам рассказывал, как он велел не запрещать детям приходиться к нему. Так неужели он и деткам не улыбался и говорил только серьёзно?

– Ох, Онуфрий, – только и ответил ему озадаченный батюшка, – доведут тебя твои мысли до греха. Будь в вере твёрд. Раз нет в писании – значит нет. Но я ещё почитаю Евангелие повнимательнее, может найду какой ответ, потом скажу тебе.

Онуфрий ещё много размышлял об этом. И всегда приходил к одному: раз Христос любит людей, значит и улыбается. Любовь и улыбка всегда рядом. И чего отец Серафим сердится?

### ГЛАВА III

Этот вопрос, который непонятно почему не давал ему покоя, он не раз задавал при случае и другим людям. Кто-то сразу отмахивался от него, кто-то грозил карой небесной за глупые разговоры, кто-то из духовных лиц что-то пытался объяснить, в общем, каждый говорил что-то своё. Онуфрий и на этот раз не упустил случая и, хитро прищурившись, спросил об этом же сурового монаха. Тот долго молчал, глядя в маленькое слюдяное окошко, похожее на раскрытую книгу, словно пытаясь найти нужную страницу там и что-то прочитать, а затем, видя насмешливые взгляды мужиков, отряхнул прилипшие к бороде крошки хлеба и очень спокойно ответил, как будто даже не Онуфрию, а самому себе:

– Выйдите-ка, православные, летом утром ранним во двор, да и посмотрите на небо, солнце, лес, на птиц поющих, да на речку светлую и поймёте – всё это и есть улыбка Бога людям.

– А почему же на иконах, сколько я их не видел, Бог никогда не улыбается, всегда серьёзно на нас смотрит? – не унился Онуфрий, подмигнув мужикам – знай, мол, наших, и мы не глупее Вас!

– А икона – она для молитвы, а не для веселья. С иконы Бог тебя слушает и решает – заслужил ли ты его помощь и прощение. Вот тебе, мой ответ. То, что ищешь истину хорошо, но вопрос-то задаёшь праздный и ненужный, а ты в вере будь твёрд, не подвергай её сомнению. Вот Бог тебе и улыбнётся днём ясным, урожаем добрым, детьми здоровыми понял, голова еловая?

Думал Онуфрий, что монаха в тупик поставил, а не на того напал. Нашёл тот ответ да такой, что мужики, опять начавшие следить за разговором, одобрительно закивали своими лохматыми головами и сказали:

– Ты, Онуфрий, думай наперёд с кем говоришь-то. Человек учёный, а ты в избе учился, там и сгодился.

– Ладно, православные, не спросишь-не узнаешь, так-то. Это вы лапти осиновые носите, ни о чём не спросите, сами всё знаете и только зеваете, – засмеялся Онуфрий, и остальные заулыбались.

– Вот что, добрый человек, садись ко мне утром в телегу, довезу тебя до отворотки на наше село. Путь не малый, всё ноги не ломать, да и к Москве поближе быстрее будешь. А там по дороге-то много народу ездит – прибудешь к кому-нибудь ещё. Мы в Москве-то не бываем, но слыхали, что не близко это, сначала-то надо до Переславля добраться, а потом уж и Москва, – сказал Онуфрий, почувствовав к незнакомцу дружеское расположение после его объяснений.

– Спаси тебя Бог, – ответил монах, – не откажусь. Ноги в дороге в кровь стёр, да и недомогаю немного. Из самого Ярославля иду, а туда пришёл из Кириллова. Шесть дней уже в пути. Устал порядком. Ну, ладно. Спать буду, разбудите завтра, как поедете, я с Вами.

Лёг монах на лавку, положил под голову мешок, да и заснул почти сразу и храпом своим так напугал собаку, что сидела возле мужиков и кости бараньи подгрызала, что та, бросив своё лакомство, под лавку забилась, опасливо поглядывая по сторонам.

Кто-то предложил спеть – да не задалось что-то, да и устали все за день порядком, всех в сон потянуло, глядя на спящего монаха.

– Ну, что, и нам пора. Вставать рано, по росе пойдём, чтобы домой засветло добраться, жена да детки заждались, чай.

Путники, тяжело встав из-за стола, разбрелись по горнице и устроились кто где, кто на лавке, кто под лавкой. Ну, а Онуфрия с сыном хозяин уважил – в отдельную каморку привёл да два тюфяка татарских, войлочных, бросил на пол. Онуфрий,





уложив сына, вспомнил об одном важном деле и вышел в горницу.

– Трофим, ты самый молодой, поглядывай тут за добром-то нашим. В телеге потом поспишь. Стражник-то хорошо, да ты-то лучше. Старый он – если что, за вором-то и не угонится. Ну, а ты у нас как птица летаешь, – похвалил он молодого парня. Тот, вообще-то, тоже рассчитывал поспать, но дело ему поручили серьёзное и отказаться он не посмел.

– Хорошо, Онуфрий. Посмотрю за всем, не сомневайся. Всё будет в целости.

– Ладно. Ну, пойду, – и Онуфрий вернулся в каморку, где, сложившись в комочек и укрывшись батькиным кафтаном уже посапывала носом его главная надежда в этом мире – его сын.

Онуфрий тоже прилёг на тюфяк, положил под голову свою торбу, где лежало всё самое ценное, и попытался уснуть, но сон всё не шёл: то он продолжал мысленный разговор с монахом, задавая ему разные вопросы, то вспоминал – все ли купил, что жена наказывала, то начинал пересчитывать деньги, что остались у него – да мало ли у главы семейства забот, которые ему спать мешают. А потом он увидел, как по полю, где вольно гуляет тёплый летний ветерок, бегают его старшая дочур-

ка Арина с венком из ромашек на русой голове. Она бежит всё ближе и ближе, протягивая к нему свои ручонки и Онуфрий уже готов подхватить её, поднять над собой высоко-высоко, прямо к голубому бездонному небу – но девочка как будто не видит его и пробегает мимо. Куда-ты, я здесь – силится крикнуть Онуфрий – и не может, голоса почему-то нет. А Арина бежит в сторону часовни, а добежав, останавливается и спрашивает у отца:

– А где ж я буду венчаться? Где же церковь? Где мне улыбнётся Господь?

А дальше Онуфрий как провалился и спал без сновидений.

Огромная, с зелёным отливом муха, которая спала на прокопчённой стене, внезапно проснулась от упавшего на неё солнечного луча, взлетела, и начала кружить над спящими мужиками и петь громко свою надоедливую однообразную песню. Покружив немного, она перелетела в каморку и отдохнула на лбу у Пашки, который лениво отмахнулся от непрошенной гостьи, но та, чуть посидев на окошке и не найдя выхода на волю, вернулась на лоб мальчика и в конце концов разбудила его. Пашка мотнул головой, освободившись от мухи, и стал будить отца. Тот ещё немного поворочался, зевнул и наконец-то поднялся с тюфяка, первым делом проверив, целы ли деньги, спрятанные в мешочке под рубашкой. Всё было на месте, и он пошёл будить остальных попутчиков. После пробуждения все мужики вели себя одинаково: первым делом испугано хлопали себя по тому месту, где были спрятаны деньги, и, успокоившись и потянувшись всласть, шли во двор запрягать лошадей.

– Пашка, ты не видел монаха, куда он запропастился, я ж обещал его довести до поворота на наше село, – спросил отец, не найдя в горнице своего попутчика.

– Нет, когда я проснулся, его уже не было.

– Ну, видно по росе любит ходить. Один ушёл.

– Ладно, лошади легче, а жалко. Интересно рассказывает. –

А ты его видел? – спросил он у парня, который до утра караулил, чтобы их не обокрали.

– Да он рано ушёл. Сказал, что торопиться. Испил водицы да и пошёл.

– Онуфрий ещё раз с сожалением посмотрел на пустую лавку, где вчера сидел монах, и тоже пошёл запрягать свою кобылу. Но сначала напоил её, дал ей овса из своих запасов да угостил горбушкой немного зачерствевшего хлеба.

– Хороша кобылка, – подошёл к нему стражник, – молодая да сильная. Куда хошь на такой уедешь. Зря монах-то не дождался тебя. Засуетился чего-то утром, даже не поел, да пошёл. Хотел я с ним ещё потолковать, да где там. Лик-то его мне знаком. Очень похож на одного монаха из-под Ростова, Пересветом звали. Он перед битвой с татарами с Челубеем бился. Ох, и поединок был, – опять разговорился стражник. – Челубей тоже сильный боец, одним мясом кормленный. А наш-то Пересвет, монах всё-таки, все посты соблюдал, а силушку-то Бог дал богатырскую. Страшное зрелище! С одной стороны, войско татарское, такое большое, что краёв не видать, с другой наше, а посередине два самых лучших бойца бьются, одолеть друг друга не могут. А уж, как упали оба за смерть – ну тут и началось. Да. Вот тот, Пересвет-то, и похож был на монаха вчерашнего. Я уж грешным делом подумал – не воскрес ли Пересвет да ходит по Руси, вразумляет людей, вот как тебя вчера. Да только погиб он. А воскрес пока только один Иисус Христос.

Вздыхнул стражник, перекрестился на икону, затем зачерпнул ковшиком воды из деревянного ведра и долго и жадно пил. Не прошёл бесследно, видно, вчерашний кувшин медовухи.

Онуфрию, по правде говоря, было не до рассказов стражника, время неподходящее, ехать пора.

– Тятя, а ты вчера хотел колесо для телеги купить, железом обитое. Смотри, не доедешь на старом-то, сам говорил, – напомнил о себе Павел.

– Ох, ты Господи, правда, сынок, совсем запамятовал. А что ж делать-то, торг-то ещё не скоро начнётся. Где его сейчас-то взять. А мужики ждать не будут, сам их вчера понукал. Вот беда... А, может, до Иваньково-то доедем? Там Тимоха хорошие колёса делает. Только обручи железные на них не ставит. Железа-то у него нет, и взять негде.

– Э, я тебя выручу, – встрял в их разговор стражник, оторвавшись от ковшика и повесив его на гвоздь. – Колёсник-то

мой брат, вон в том доме живёт – он показал на избу, стоявшую чуть в стороне от другого жилья. Рядом с домом валялась на боку телега с одним колесом, а чуть неподалёку – ещё одна, совсем без колёс.

– Я сейчас к нему зайду, у него есть в запасе, ты на бесколёсные телеги не смотри. Деньги пока приготовь, цену-то знаешь?

– Да, знаю, знаю, заломит сейчас, как обычно, без порток пустит по миру, – заворчал Онуфрий, заранее предвидевший тяжёлый торг с опытным продавцом.

– Ну, не возводи напраслину. Ещё не торговался, а уж говоришь такое. Дешевле нет нигде, и лучше тоже – я знаю, что говорю!

– Все так говорят, – засмеялся Онуфрий. – Ладно. Иди, договаривайся, я сейчас подъеду, заберу, делать нечего. Колесо на моей телеге хоть верёвкой подвязывай.

Стражник, несмотря на тучность свою, пошёл очень быстро, было видно, как он отворил дверь в избу брата, но пробыл там недолго. Вышел и махнул рукой Онуфрию – подъезжай, дескать. Торговались они с колёсником долго, никто не хотел уступать. Онуфрий уж и выходил из избы дважды, чтоб уехать, да снова возвращался. Колесо с железной шиной он в конце концов купил, видно было, что сделано оно крепко. Ну, а цена, она везде цена. Но чуть-чуть уступил всё же колесник, не смог переспорить хитрого мужичка.

Спутники всё это время терпеливо ждали своего старшего, одни не уехали. Все, когда торг закончился и Онуфрий подъехал, подошли к их телеге и долго осматривали покупку, пробуя на прочность и проверяя, круглое ли оно и не кривое ли. А когда узнали цену одно только и сказали:

– Повезло, дёшево взял. Посмотрим, как ездить будет.

– Да хорошо будет ездить, вспомнишь меня ещё, Онуфрий, добрым словом, сказал стражник, помогавший донести колесо.

Онуфрий, который не успел ни сам поесть, ни Пашку накормить достал из мешка хлеб, разломил на две части одну взял себе, другую дал сыну.

– Нако, ешь, – хозяин угостил, – он протянул мальчику кусок сотового мёда, сладкого да душистого. Хлеб с мёдом – ничего вкуснее мальчик в своей жизни не пробовал.

В конце концов осмотр колеса закончился и обоз, наконец-то, тронулся в далёкую дорогу. В это время тучи разошлись, образовав голубое окошко в небе и из него выглянуло уже умытое и по-утреннему весёлое солнышко, и всё вокруг стало светлым и приветливым. И Пашке почему-то вспомнились слова монаха об улыбке Бога. Так было хорошо, как бывает только в детстве и больше уже никогда.

## ГЛАВА IV

Жара донимала путников, жара, непривычная для этих краёв, где холода да снега большую часть года заставляют людей кутаться в тёплую одежду. И здесь главное спасенье – овчинный полушубок – в нём и по улице пойдёшь и укроешься вместо одеяла, если в избе холодно. Именно поэтому на Руси всегда ценились скорняки – люди, умеющие выделывать кожи да шить из неё одежду. Недаром одним из героев сказок, которые рассказывали детям в те времена, да и сейчас, был Никита Кожемяка, хотя и оказался он немного в тени былинных богатырских фигур Ильи Муромца и Добрыни Никитича. Но, Пашке, даже подумать об овчинном полушубке сейчас было невыносимо. Да ещё и вода кончилась. А следующая деревня не скоро, а всем хотелось пить, особенно уставшим лошадям. Люди-то ехали, а им по такой жаре приходилось и хозяев своих везти и поклажу. И как тут дать понять хозяину, что больше не вмоготу, раз сам не догадывается. Не дал им Бог умения говорить. Зато могли они просто встать и больше не реагировать на понуканья. Что они и сделали.

Мужики решили отвести лошадей под тень деревьев, росших в стороне от дороги, и посмотреть, нет ли где ручья какого, чтобы водички набрать, самим попить, да лошадей напоить. Онуфрий облюбывал громадный дуб, стоявший в низинке, там и прохладней и тень от могучего дерева такая, что редкий лучик солнца добирался до земли. Весь драгоценный небесный свет забирало дерево, оставляя траве, росшей под ним, лишь крошечки со своего солнечного пира. Вечно так: большой да сильный всё забирает, а малый да слабый – то, что останется. А от этого так малым и слабым и остаётся.

– Ну-ка, Пашка, побегай вокруг – нет ли где ручейка. Да в низине ищи, вон там, – и показал рукой на густые заросли вдалеке. Пашка с радостью прыгнул с телеги и побежал в сторону густых кустарников, росших полоской вдоль заросшего сорняками брошенного поля.

Когда Пашка подбежал поближе, то увидел остатки нескольких сгоревших домов, сгоревших видимо давным-давно, а люди отсюда как ушли, так и не вернулись. Не любили на Руси горелые места. Но где их найдёшь – не горелые? Прошли по Руси орды завоевателей, как огонь неукротимый, сожгли многие города да деревни, оставив после себя головешки дымящиеся, да поля заросшие, а людей кого перебили, кого в плен взяли, в Орду угнали, кого в рабство продали на рынках невольничьих. Тяжёлая доля, тяжёлая расплата за распри княжеские.

– Эй, Павел, – услышал мальчик чей-то голос и вздрогнул от неожиданности. Обернувшись, он увидел под берёзкой, что стояла около остатков дома, сидящего на траве, прислонившегося к стволу вчерашнего их собеседника, монаха.



Пашка сначала испугался, да хотел убежать, а потом всё же пересилил себя и медленно с опаской подошёл к сидящему у берёзы человеку.

– Да подойди, не бойся. Занемог я совсем, зашёл сюда, думал здесь люди есть, я был здесь лет пять назад – ан, и нет никого. Сожгли здесь всё. Покличь-ка отца. Он у тебя человек хороший, поможет мне.

– Сейчас, я быстро, – ответил Пашка и побежал назад, к дубу, где остановился отец.

Онуфрий, как услышал, что монах у заброшенной деревни, больной поспешил вслед за Пашкой.

– Здравствуй, святой отец, да что с тобой? – спросил он у монаха, сидевшего с закрытыми глазами.

– Заболел я, думал ничего, а лихорадка одолела. Был я в прошлом году в Колхиде, далеко, на южной стороне, да там лихорадку-то и подцепил. Помоги, добрый человек. Жар у меня и сил нет.

– Как не помочь. Сейчас на телегу да ко мне поедешь, в наше сельцо. Там ты оклемаешься.

Он подошёл к монаху, с огромным трудом поднял его, поставил на ноги, и они медленно пошли к стоянке. Навстречу им спешили ещё двое мужиков, обеспокоенных тем, что куда-то ушёл их вожак.

– Пашка, мешок-то человекахвати, чтоб два раза-то не ходить. Вода-то здесь есть, не видел? – спросил Онуфрий, слегка согнувшись под рукой монаха, опиравшегося на его плечо и еле передвигавшего ноги.

– Есть, есть, – ответил за мальчика монах. – Здесь за кустами родничок бьёт. Вода вкусная да холодная. Раньше над ним часовенка стояла, а сейчас ничего не осталось.

– Ну и хорошо. Тяжёл ты брат! Ты посиди здесь, я сейчас за телегой, да приеду за тобой, всё равно лошадь надо напоить. Не таскать же вёдра через всё поле, – сообразил Онуфрий, не любивший делать лишнюю работу. – Так-то лучше.

– Ладно, – сказал монах и присел на пенёк, наклонившись вперёд и пытаясь положить голову на колени.

– Да ты не сомневайся – я вернусь, – сказал Онуфрий, – а Пашка с тобой побудет.

– Я не сомневаюсь, ты мужик добрый, с Богом живёшь в согласии. Вижу.

Онуфрий обернулся быстро, а Пашка пока родничок отыскал да напился воды вволю. Не обманул монах. Вода была вкусная да прохладная, в самый раз для жаркого дня.

Мужики помогли положить заболевшего странника в телегу, а затем стали поить лошадей. Да холодной-то водой поить поопасались, дали вёдрам согреться на солнышке сначала, затем запаслись водой впрок и отправились в путь. И когда солнышко опять стало походить на огромную багровую клюквину, подъехали к своему сельцу. Тут уж все повеселели, даже монаху больному, кажется полегче стало. Да и то правда. Какую душу не согреет вид жилья человеческого с избами, огороженными тыном невысоким, с дымом, вьющимся из труб или прямо из крыш – если топили по-чёрному, – значит в печах обед варится да напитает труженика и скитальца. И хоть и устали все, а в избах, куда вернулись путешественники ещё долго горели в светцах лучины – только успевай менять. Показывали мужики своим домочадцам, какие гостинцы привезли из дальнего города Ростова; большинство жителей деревеньки никогда там не были, да и вряд ли когда-нибудь попадут. Да и нужды-то особой не видели. Почти всё, что нужно в хозяйстве, сами умели делать. А вот, чтобы жене угодить да дочек порадовать, тут уж хочешь не хочешь надо в город ехать. И когда возвращался глава семейства из города – это был настоящий праздник с улыбками, оханьями да аханьями по поводу цен, долгим рассматриванием и примериванием обновок. Онуфрий привёз жене платок расписной, а дочкам – старшей – бусы разноцветные, а младшей серёжки с камушками голубыми – с бирюзой, значит, под цвет её глаз. Любил он дочек своих, ничего для них не жалел, лишь бы радовались да здоровы были.

Ну, а Пашка – это мужик растёт, помощник, его радовать не след. Тут уж больше мать старалась – и приласкать и кусочек сладкий для него припасти.

До поздней ночи сидело семейство за столом и рассказам не было конца. А монаха больного устроили на полатах, за занавеской. Он немного поел, да и уснул сразу – так устал да измучился от лихорадки.

Говорили тихо, чтобы не разбудить постояльца, а когда уж опять светать начало, разошлись по своим местам, да сотворив на ночь молитву, спать легли. И света не было уже ни в одном окошке. И заснула деревенька мирным сном. Берёт её Бог. Берёт.



## ГЛАВА V

В деревнях русских всегда спать рано ложились и после тяжёлых крестьянских трудов бессонницей не страдали. Ну, кроме стариков, конечно. Те обычно долго ворочались, охали, что-то шептали, кому-то жаловались на наступившую старость, что-то у Бога просили – а потом приходил и к ним благодатный сон. И только две сестрёнки – Арина да Настя, всё никак не могли заснуть. Аринка была постарше, ей шло шестнадцатое лето. Её младший брат Павел до сих пор никак не мог научиться выговаривать букву «Р» и произносил её как «Л» и имя девушки, когда её звал брат, звучало как Алина, а потом и вовсе стало звучать, как Алёна. Надо сказать, что это имя ей больше нравилось, и звучало оно мягче и нежнее, да и мальчишки, когда она была поменьше, вечно её дразнили: Аринка – кринка. Почему – кринка, обижалась девочка и гонялась за обидчиком, чтобы дать ему кулаком в нос, как и учил её младший брат, которому драться приходилось частенько. А Алёнка – так Алёнка и звалась. И все понемногу привыкли к её новому имени. Да и обидчики её подросли и уже посматривали на девушку другими глазами, и готовы были на кулачках побиться друг с другом, чтобы привлечь её внимание. Да и к работе по хозяйству мальчишек, как и девочек, начинали приучать рано. А дел было много и по дому, и в поле: надо вспахать по весне, посеять, да убрать урожай по осени, да воды принести, да дров нарубить в лесу и привести домой, чтоб зимой не замёрзнуть, да сено накосить, да скирды метать, да коров и овец в стадо выгнать и потом пастухам помогать. Да и у девушек подросших тоже забот хватало. Но сегодня девушкам было не до забот. Бусы из камушков разноцветных Алёнка много раз примеряла да в воде смотрела на своё отражение – и налюбоваться не могла – так красиво они выглядели на её шее лебединой.

Первый раз в жизни подарил ей отец украшение, и она внезапно почувствовала, что становится взрослой, и что отдадут её скоро замуж. Раньше её главным украшением были юность да веночек на голову, сплетённый из скромных полевых цветов, который, стоило его одеть, как по волшебству саму её превращал в цветок, и все, кто проходил мимо, глаз не мог оторвать от этой красоты. Перед тем как заснуть, Алёнка ещё раз вытащила из-под подушки подарок отца, но уже стало темновато, и, хотя ночь была светлая, но окошек в избе немного, да и те едва пропускали свет через бычьи пузыри, натянутые вместо стёкол. А окна слюдяные были только в теремах боярских. В общем, она мало что увидела в этом полумраке. А Настя, как одела серёжки, так их и не сняла, так они ей понравились, хотя спать в них было неудобно. Может поэтому она прошептала на ухо засыпающей Алёнке:

– Алёнка, Алёнка, а мужик-то, что с отцом приехал, страшный какой, борода чёрная, сам весь в чёрном, я его боюсь.

– Отец сказал, что это монах, божий человек, чего его бояться, – не открывая глаз, ответила девушка.

– Молодой совсем, а уж из мира ушёл.

– А большой-то какой. Отец ему едва до плеча достаёт.

– А вдруг он притворился монахом, а сам разбойник с ножом. Мне всё равно страшно. Можно я к тебе перелезу, тогда усну.

– Давай, ныряй ко мне. – Девочка перелезла на кровать старшей сестры и сразу успокоилась, а Алёнка тихо прошептала:

– У него глаза добрые, хоть и чёрные. Я в нашей деревне ни одного черноглазого не видела. Мама вон даже с зелёными глазами, а у Ольги вообще глаза разного цвета, один голубой, а другой тёмный, а цвет и назвать трудно.

– Говорят, у кого глаза разные – тот счастливый.

– Ой, много у Ольги счастья-то? Живут бедно, да и замуж никто не берёт.

– Ну это может пока, а потом счастье привалит.

– А как-монаха-то зовут, ты не расслышала?

– Нет, а тятка не сказал.

– Всё равно я его боюсь. Как посмотрел на меня – я аж задрожала вся.

Монах на своих полатах видно проснулся и волей-неволей слышал весь этот негромкий девичий разговор, ему было неловко, и он тихо-тихо, но так чтоб девушки его слышали, сказал:

– Не бойтесь, отроковицы, я действительно служитель Божий, иконы пишу да церкви строю. Так что спите, и пусть Господь пошлёт Вам сны лёгкие.

Девушки, услышав тихий голос монаха, успокоились и ещё немного пошептавшись, заснули. Но Настя всё же от сестры не ушла, рядышком уснула. И гость опять заснул. И все затихли, хотя петухи, услышав осторожную поступь утра возвестили о его скором приходе и солнце, потянувшись после сна, собиралось встать во весь рост над огромными русскими просторами и над крохотной деревенькой, ничем не примечательной родинкой на теле Руси. Монах проспал долго, почти до полудня и хозяева его не беспокоили, всё делали тихо и ходили осторожно, не топя, и разговаривали вполголоса.

Они уже садились трапезничать, когда гость проснулся и попросил дать ему водицы испить.

– Алёнка, ну ка живо, дай воды человеку – сказал Онуфрий и девушка, зачерпнув ковшиком в виде уточки воду из деревянного ведра, подала его больному.

– Вы бы поели. Мама похлёбку вкусную сделала, – предложила она, с любопытством рассматривая гостя.

– Спаси тебя Бог, добрая душа. Попробую. Вроде, полегче стало. Голова уже совсем ясная и жар прошёл. Он с трудом слез с полатей, опёршись на плечо девушки, и вышел, чуть пошатываясь во двор умыться, попросив Пашку, который здесь же вертелся полить ему водички. Приведя себя в порядок, он вернулся в избу и сел за стол вместе со всеми. Ели все из одной большой миски, сделанной из огромного капа берёзового, поочереди, зачерпывая деревянными ложками густую похлёбку, грибной аромат которой и сытого бы заставил поесть. И монах поел, хоть и без аппетита, но с удовольствием. Монастырскую братию часто угощали похлёбкой грибной, особенно в посты.

Так что еда эта была для него привычной. Когда он закончил трапезничать, положил ложку на стол – сыт, мол, и сказал:

– Ну, Онуфрий, выручил ты меня. Спаси тебя Бог. Если не прогонишь, я бы ещё два дня здесь прожил – да и пошёл бы себе. Ждут меня в Москве, работу без меня не начнут. Торопиться надо!

– Кто же тебя там ждёт? Ох, ты, Господи, да как звать-то тебя, милый человек. Забыл и спросить.

– Не знаю, выговоришь ли имя моё: Варсонофий. Так и называй.

– Да, имечко такое, что язык в верёвку заплетается, – засмеялся Онуфрий.

– Ну ка, Пашка – может ты выговоришь, а?

– Валсонофий, – бойко ответил Пашка, уже привыкший к постояльцу.

– Э, да ты, брат, буквицу не выговариваешь. Ну, да я это исправлю. У меня также было в детстве. А как дьякон стал грамоте обучать да полбу напёрстком бить – если неправильно букву выговорил – живо научился.

– Хорошо бы. А то мальчишки дразнятся. Как выйдешь на улицу – пристают – скажи ворона, скажи ворота. А как дам в нос – перестают.

– Пока я здесь, всё тебе поправлю, хоть напёрстка у меня нет. Да, Онуфрий, обернулся он к хозяину, ты не сомневайся, я хоть и в монашеском одеянии, но деньги у меня есть. За постой заплачу сполна.

– Да что ты, божий человек, что же я с больного брать деньги буду? Невелики расходы. Вот мальчишку поучишь – и спаси Бог, и в расчёте.

– Ладно, сочтёмся. Я долгов не люблю. Долг, как грех – во время не избавишься – покоя лишишься.

Обед закончился и все занялись своими делами, а Варсонофий опять заснул. Так сильно ослаб от болезни.

## ГЛАВА VI

Погорячился Варсонофий, когда сказал, что через два дня на ноги встанет и уйдёт. Какое там. Только спустя две недели почувствовал он себя настолько уверенно, чтобы начать собираться в дорогу. Хотя, что собираться-то? Воза с поклажей у него не было, одна котомка – и всё. Правда, тяжёлая. Пашка раз, когда рядом никого не было, хотел её поднять, да не тут-то было. Потяжелей она оказалась, чем меч дружинника. А заглянуть в котомку он побоялся, если отец увидит – точно выпорот прутом берёзовым. Редко он это делал – но уж если делал, помнил Пашка потом это долго. Правда и высек-то он его только один раз – когда корова, за которой он приглядывал, в лес ушла, и её потом искали всю ночь. Хорошо хоть, ни медведь её не задрал, ни волки не загрызли, а то – сидели бы все без молока, да без творога со сметаной. Всыпал ему тогда тятка, ох высыпал, но, когда за дело – не так обидно. Зато потом, когда выпадало ему скотину пасти – корова в сторону шага ступить не смела. Хозяин видно такое слово ей сказал, что она поняла – надо держаться рядом с пастухом. И следовала за Пашкой как собачонка – куда он, туда и корова.

Варсонофий, когда чуть оклемался, начал мальчика учить правильно выговаривать букву «Р». Долго не давалась ему эта буква, он даже всплакнул от злости, когда никто не видел. Но парень он рос упорный, а Варсонофий – был учитель терпеливый, и в конце концов звук этот Павел произнёс также, как и все – не хуже не лучше. Похвалил его монах за старание, а мальчик первым делом побежал искать Арину и ког-

да нашёл её на огороде подобрался сзади незаметно и громко сказал: «Всё, Алёна, – ты опять – Арина». Сестра не поверила своим ушам – надо же, братец заговорил правильно, но снова Ариной быть не захотелось, попросив: зови меня как раньше. А Пашка радостно побежал по деревне и увидев своего друга крикнул ему:

– Смотри-ка, ворона летит! А вон ворота новые! – тот аж рот открыл от неожиданности, да так и стоял, а мальчик дальше побежал, крича: рогатина, рогожа.

В общем, радости его не было конца, наконец-то кончатся все эти дразнилки.

Однажды утром, когда монах сидел на брёвнышке и листал толстую книгу к нему подошёл Пашка и попросил:

– Дядя, Варсонофий, а я могу научиться грамоте?

– Давай, попробуем, – согласился монах. И начал сразу объяснять мальчику, что такое буквы и как они складываются в слова. Когда Пашка взял в руки книгу, которую передал ему монах, то понял, почему мешок у постояльца был тяжёлый.

– Что, брат, нелегка наука? Буквы-то написаны на пергаменте, а это выделанные телячьи кожи. Поэтому книга-то толстая и тяжёлая. Зато вечная. Нас не будет, а она останется.

Монах начал палочкой на земле чертить буквы, а Павел потом пытался повторить их начертание тем же способом. Так они упражнялись ежедневно, а Онуфрий и не мешал – пусть мальчик грамоту постигает, раз случай такой. Каждый день, утром мальчик и его учитель садились на брёвнышко, если жарко – то в тени, если прохладно – то на солнышке и начинали учёбу. Пашка, после того, как одолел букву «Р», поверил в свои силы, и хоть и с трудом, но буквы понемногу стал складывать в слова, а слова в предложения, правда смысл прочитанного до него пока не доходил, но отдельные слова он понял сразу, особенно слово «Бог» – коротенькое, маленькое слово, в котором заключена была вся Вселенная.

Варсонофий не мог не заметить, что как только он появлялся во дворе, из соседнего дома тут же выходила молоденькая девушка, родственница Алёнки, и начинала, не торопясь, что-нибудь делать: то верёвку натягивает, то двор убирает, то сено

таскает, а сама всё поглядывает на гостя соседей – высокого, с волосами цвета грачьего крыла, парня с бездонными чёрными глазами. Голубоглазых-то ребят в их селе много было, да почти все, а вот черноволосых да черноглазых – ни одного. Да и не похож он ни на одного из здешних парней – суровый да не улыбочивый. Хотелось ей, чтобы Варсонофий, хоть раз взглянул на неё – нет ни разу не встретились их глаза. Когда девушка выходила, Варсонофий, так садился, чтобы её не видеть. Алёнка, которая заметила, что их гость понравился её подруге, раз осмелилась и спросила Варсонофия:

– А что, Вам и смотреть на девушек нельзя? Марфа-то все глаза проглядела на тебя. А ты всё в сторону смотришь. В другую.

А монах, чуть подумав, ответил:

– Ты, Алёна, иди делом займись, а что мне можно, что нельзя – то Бог знает. Он и скажет. – И так посмотрел на неё, что она больше уже его ни о чём не спрашивала.

Марфа тоже пыталась однажды заговорить с монахом, да он только кивнул ей и ушёл в избу.

Как-то вечером, перед уходом гостя, сидела вся семья за столом и ужинала. Варсонофий, прочитав за всех молитву, благословил трапезу, и все стали с аппетитом есть кашу, запивая её топлёным молоком.

Люди в доме были работающие, когда сами не справлялись – работников нанимали, и жила семья в достатке. Когда поели, монах вытащил из-под рубахи кожаный мешочек достал оттуда несколько монеток серебряных, протянул их Онуфрию.

– Прими, хозяин добрый, за труды твои и ласку. И не отказывайся, моё слово последнее!

И так взглянул на Онуфрия из-под чёрных густых бровей, что тот понял – спорить не надо, да и судя по всему не последние отдаёт. Мешочек был тяжёлый и плотно набитый, и, как заметил Онуфрий, сверкнули там и золотые монетки. Поэтому он с благодарностью принял деньги – лишними они не были, можно подати заплатить, можно новую телегу справить, с деньгами-то всё можно, даже чего нельзя. А Варсонофий развязал свой большой мешок, и достав оттуда завёрнутую в полотенце икону, сказал:

– Хочу тебе, Онуфрий, подарок сделать. Возьми и храни её. Эту икону нашёл я на пепелище, там же, где ты меня подобрал больного. Видишь – обгорела краска, одни глаза Спасителя остались. Плохо мне было, думал умру, а взглянул в глаза Господа нашего Иисуса Христа, помолился, а тут смотрю Пашка идёт. Спасение моё. Ничего в этом мире просто так не случается. Глаза, что смотрят на нас с икон – это наше спасение: и от грехов, и от недугов, и от недругов. И помни – эти глаза всё видят.



Я хотел было заново её написать, у меня и краски с собой есть – да только не готов я сейчас. Не могу прикоснуться к лику сему. Потом, может вернусь сюда – и всё сделаю как надо. Напишу её заново. Или, вон, Пашка это сделает, когда вырастет.

Он помолчал, походил по горнице и неожиданно предложил:

– Мальчик-то у тебя смыслённый, да и способный, вон буквицы-то писал – ровные да похожие на те, что в книге видел. Дельный мальчик. – Он опять замолчал, а затем неожиданно предложил:

– Вот что, думал я тут, думал – отпусти-ка ты Пашку со мной. Научу его иконы писать и церкви Божьи расписывать, да и строительное дело я знаю. Я ведь у самого Рублёва краски растирал. Во Владимире. Ну, да ты о нём не слышал, чай. Великий человек, великий умелец. А вот сейчас в Москву иду, позвали меня. С лучшими мастерами русскими буду работать вместе. И Павла сделаю умельцем настоящим. Не всем же землю пахать, у тебя ещё один сын родится. Ты мужик ещё не старый. А Божье дело тоже рук требует.

Всё семейство недоумённо смотрело на монаха, не вполне понимая, что от них хотят. Как это отпустить? Надолго ли? С малознакомым человеком. Хотя за две недели всё семейство так привыкло к Варсонофию, что никто бы не возразил, ели бы он остался у них насовсем. Такой был ладный человек. У Онуфрия уж и мысли разные были – а вдруг останется, да женится на Алёне, эх. Но – грех. Он же, наверное, постриг принял, тогда какая женитьба. Онуфрий долго смотрел в пол, а затем неожиданно спросил:

– Скажи-ка мне, Варсонофий, а ты пострижен в монахи? Если нет, так может у нас останешься. Поможем тебе здесь обосноваться. Ну, что скажешь?

Варсонофий, который почти всегда ходил с мрачным выражением лица, вдруг улыбнулся и ответил:

– Ни пахать, ни сеять я не умею, только землю мучить буду. Ей это не надо. Есть здесь и без меня кому землю возделывать. Утром я ухожу, а ты мне всё-таки скажи – отпустишь Павла или нет?

Хозяин опять задумался. Вообще-то предложение монаха ему понравилось. Хотелось ему для сына другой доли, такой, о которой он когда-то только мечтал. Но тут жена запричитала, что сына никуда не отпустит, не для того его растила, холила да лелеяла. Чего ему по чужим людям скитаться, и здесь хорошо, сыт, одет и при матери с отцом. Пашка сначала вроде бы обрадовался, что уедет с Варсонофием в дальние края, а потом увидев, как заволновалась мать, тоже загрузил, забился в уголок, под иконы, как будто ища у Бога защиты.

Отец с Варсонофием вышли во двор, сели на старое всё в трещинах, брёвнышко, служившее скамейкой, чтобы ещё раз всё обсудить. Они сидели молча, каждый думая о чём-то своём, что другому может быть и не понятно, а монах вообще не проявлял склонности к душевным разговорам. Онуфрий так и не узнал о нём почти ничего. А расспрашивать как-то не решался, уж очень строг и суров был его гость. Но сегодня вечер был особый, вечер, когда два человека расстаются и скорее всего навсегда и когда обоим хочется оставить по себе добрую память. Было тепло, и солнышко закатное раскрасило в нарядные цвета большую поляну, где девушки затеяли водить хоровод да песни петь, а парни рядом похаживали да невест себе высматривали.

Алёна и Настя, одев вышитые бисером рубашки, чуть погоревав о судьбе Пашки, а потом уразумев, что никуда он не денется, убежали хоровод водить. И соседка их Марфа, проходя мимо сидящих на бревне мужиков, не выдержала и сказала:

– Пойдём с нами, Варсонофий, посмотришь на наши игрища, может и улыбаться научишься и с девушками разговаривать начнёшь?

– Ох ты, коза прыгучая, не искушай человека, ему в дорогу завтра.

– Как в дорогу? – с лица девушки румянец аж сошёл. – Ты что же уходишь, совсем?

– Бог ведает мои дороги, Марфушка, – первый раз заговорил с девушкой Варсонофий. У меня свой путь. Да ты не печалься – вон сколько у Вас молодцов. В девках не засидишься. А меня забудешь – как только уйду отсюда. И монах улыбнулся, и сразу, сквозь маску аскета, проступило лицо русского доброго белозубого парня.

– Не забуду, – только и ответила девушка, и две крупные слезинки побежали наперегонки по её щекам, а когда добежали до подбородка – то и высохли. И она медленно, опустив плечи, пошла к веселящимся подругам. Варсонофий взглянул ей вслед, усмехнулся каким-то своим мыслям и надолго замолчал. А Марфа постояла-постояла, да и вошла в хоровод, и сначала лицо её было грустным, а потом, ког-

да парень знакомый что-то сказал ей хорошее – и заулыбалась. В юности всегда кажется, что всё лучшее ещё впереди. И обязательно случится то самое счастье, о котором никто не знает, какое оно, но которого все ждут. И ждут его всегда, до самой старости, когда кажется, что и ждать-то уже нечего.

– Ты в Москву-то надолго? – нарушил молчание Онуфрий, выведя гостя из задумчивости.

– Может год, может два. Как Бог даст. Храм фресками расписывать – дело долгое, терпения требует и торопливости не терпит. Чуть не так – и цвета быстро потускнеют, да могут и совсем пропасть. Да и дорогое это дело, много денег нужно. Хотя Москва теперь – город денежный, потому и тянется туда народишко, а вот живописцев и зодчих не хватает.

– А учили тебя где, где-науку-то эту превзошёл?

– Да не было бы счастья, да несчастье помогло. Когда мне шестнадцать было, жили мы с отцом да матерью на Дону, есть такая река на юге.

Как-то в наше село пришёл приبلудный отряд – и татары там были, и турки, и наши. В общем, разбойники, и угнали нас в плен. Захватили только молодых парней да девушек, чтобы в рабство продать. Несколько дней гнали нас по степи на невольничий рынок, устали мы очень от жары да жажды. Думали – конец. Молиться начали об избавлении от страданий, кто как умел. А тут случай! Разбойники-то нашли колодец, да и начали из него пить, а нам не дали. Но и к лучшему. Вода там отравленной оказалась.

Околели окаянные, все до одного. Остались мы одни-однёнешеньки, а куда идти – не знаем. А потом разбрелись кто куда, а мы с другом пошли на солнце полуденное. Забрали у разбойников деньги да оружие – и пошли искать лучшую долю. Слышал я, что есть такая страна православная – Византия, оттуда к нам вера пришла и письменность. Сказывали люди: учёные – два монаха-македонца – Кирилл и Мефодий её нам подарили по Божьему изволению, поэтому мы сейчас и можем читать святое Евангелие. Долго мы странствовали, море Русское пришлось переплыть на купеческом корабле, благо заплатить было чем, и приплыли мы в Царьград.

Там я и учился ремеслу зодчего и иконы писать. Мастера в Византии были знатные, и брали за учёбу недорого, а если денег нет, то и так могли научить, а вместо платы работать приходилось. Да, много пришлось повидать. Добрался я аж до самой святой Афонской горы, побывал в тамошних монастырях, где хранят веру Христову старцы-монахи. Вот один из них и благословил меня – вернуться на Русь и строить на родной земле церкви Божьи и украшать их, укрепляя веру православную.

– А где это, гора Афон? – спросил Онуфрий, улучив момент.

В Греции, я тебе говорил тогда, на постоялом дворе, есть такая древняя страна. Раньше-то они, как и мы, русские, язычниками были, поклонялись многим богам, а потом приняли, как и мы, веру православную. Сказывали мне монахи, что на Афоне была сама Богородица, являлась монахам.

– Чудно. Эх, а мы в темноте пребываем.

Онуфрий чуть помолчал, а затем сказал:

– Пашку пока не отпущу, хоть ты и хороший человек. Мал ещё. Пусть дома поживёт, при мамке с отцом. А коль судьба ему учиться у тебя, так приходи за ним года через два. Тогда отпущу.

– Хорошо, Онуфрий. Как возвращаться из Москвы буду, так сюда и загляну. У меня ведь родных-то никого. Будешь у меня вместо старшего брата. А подрастёт Пашка – сам решит, как дальше жить. Так оно правильнее, по-божески.

Долго ещё они сидели на брёвнышке, пока не угомонились девушки, и не рассыпался хоровод, и не загнали стадо по домам, а любопытные звёзды не начали подглядывать за Землёй через свои дырочки в небе. Интересно ведь, людей-то больше нет нигде. Только на Земле.

Утром Онуфрий провожал своего нового родственника, не зря же то ли монах, то ли послушник, так он и не сказал ничего определённо – назвал его своим старшим братом.

Пашка тоже проснулся рано, чтобы проводить своего учителя. Мать Пашки встала как обычно ни свет, ни заря, чтобы испечь свежий хлеб для путника. В общем, всё семейство не спало, даже девчонки, сон которых был чуток и хрупок, особенно когда

уходил из их дома такой интересный гость. Придётся ли им увидится ещё раз – да вряд ли. Стоит их село в стороне от большой дороги, добираться до них долго, да болот кругом много, и что в них хорошего – только клюква кислая, даже когда красная. Пойдѣшь её собирать – да ещё на змею наткнёшься, не дай Бог наступить на неё, сразу ужалит.

Варсонофий, спрятав в мешок свежий хлеб и кувшин с молоком, которые ему дали на дорогу, попрощался со своими хозяевами и ещё раз оглядевшись на прощание, сказал: места здесь хорошие, люди добрые да незлобивые, а вон и холм высокий – здесь бы храм Божий поставить вместо часовенки. Славно было бы.

Если денег в Москве заработаю, приду сюда, да мы вместе с Пашкой здесь построим церковь, а мужики местные подмогут, как думаешь?

– Подмогут, наверное, – неуверенно сказал Онуфрий. – Если монголы нас не разорят, да князь по миру не пустит.

– Ничего, скоро одолеем иноземцев. Вокруг Москвы силы русские собираются. Да, а места здесь благодатные, чувствую я, – опять сказал Варсонофий и пошагал себе в сторону большой дороги в Москву, до которой идти да идти. Один раз только оглянулся он, и махнул рукой всему доброму семейству, а может и той девушке, которая смотрела на него с крыльца соседнего дома.

Ей тоже, видно, не спалось.

## ГЛАВА VII

После ухода монаха дом Пашке казался опустевшим, как будто что-то вынесли из него, то, что стояло там всегда, и глаз привычно искал на привычном месте это что-то и не находил его. Мальчик несколько раз выбегал на дорогу в надежде, что его учитель вернётся за ним, но нет, пуста была дорога, лишь изредка проедет по ней телега с поклажей, либо человек пройдёт. Не только мальчик, а и всё семейство переживало – вот ведь и прожил-то рядом человек всего ничего, а у всех что-то осталось хорошее в душе после его ухода.

Онуфрий первым делом сходил к своему соседу и попросил его сделать деревянное обрамление для иконы, которую оставил ему странник.

– За работу не возьму ничего, только, смотри, осталась часть лица с глазами, поправить бы всё.

– Варсонофий обещал исправить, когда приедет, а пока пусть так висит в красном углу. Буду жить под этим взглядом, присмотром Божьим.

Посидели ещё соседи, потолковали об урожае, да о податях, которые придётся скоро платить – осень не за горами, урожай в этом году обещает быть добрым, хлеба будет в достатке.

– А на охоте давно был? – спросил сосед, наливая приятелю кружку браги хмельной.

– Да, ну ты же знаешь – стрелок я плохой: несколько лисиц добыл да двух волков, – поскромничал Онуфрий, который, конечно, белку в глаз из лука не бил, но зайца и тетерева добыть мог. Но времени на охоту особо-то и не было, так, изредка;

выделанные шкурки охотно брали сборщики дани. Приедут – у них уж всё подсчитано на каких-то дощечках, а что там правильно, поди проверь ни одного грамотного человека в селе не было. Только батюшка из соседнего села, да бывал-то он здесь редко.

Может поэтому Онуфрий часто твердил Пашке:

– Учись грамоте, не забывай того, что узнал от Варсонофия, пригодиться, может обманывать нас будут меньше.

Но Пашку понукать было не надо, он уж и сам соображал. Монах оставил ему небольшую книжицу, писанную от руки – Псалтирь, называлась она, и мальчик каждый день брал эту книгу и пытался читать. А если батюшка приезжал в село или дьякон – сразу к ним бежал, просил объяснить, что да как.

Так понемножечку, Павел научился читать по слогам, но из прочитанного мало что понимал. Трудная это была для него книга.

Время шло и в их селе стали понемногу забывать о странном человеке, который гостил у Онуфрия. Только Марфа нет-нет, да и вспомнит чернявого молодца, да Пашка, разбирая буквы в книге, вздохнёт, что некого спросить о том, что означает то или иное слово.

Несколько лет прошли незаметно, в трудах да заботах у родителей Пашки, в хлопотах девичьих у его сестёр. А хлопот с девушками было немало. Однажды, поздней осенью, как урожай убрали и с податями рассчитались, решил Онуфрий съездить в соседнее село, где его дальний родственник содержал мельницу, надо было намолоть муки на зиму. Из-под ручного-то жернова мука выходила грубой и хлеб из неё получался неважный, не любил такой хлеб хозяин.

Погрузил он три мешка ржи на телегу, а тут Алёнка пристала – возьми с собой, хочу там в церковь сходить да с сёстрами двоюродными встретиться. Но как откажешь дочке-невесте, не отказал отец. Оделась девушка потеплее, осень на дворе, да и поехали они не спеша. Добрались до места к полудню. Онуфрий сразу на мельницу, где ему быстро смололи рожь, а мука получилась, загляденье, пушистая, как назвал её мельник.

Смолов зерно, пошли они к мельнику пообедать, а тут и Алёнка подросла с подружками своими.

– Ну, что Онуфрий, сватов жди, – сказал мельник, когда трапеза к концу уже подходила. – Василий-то первый парень у нас, давно твою Алёну присмотрел.

– Бог с тобой, кум, какие сваты? – не понял Онуфрий. Какой Василий?

– Какой, увидишь какой, – засмеялся мельник. – У нас уже всё село об этом говорит – один ты ничего не ведаешь.

– Алёнка, правда ли? – строго спросил он у девушки.

– Правда, батюшка, – ответила девушка, покраснев и засмущавшись. Помнишь летом, приезжали мы сюда на Благовещенье. Там с Василием мы и увиделись. Люб он мне, и я ему. А сегодня он подошёл ко мне после службы и сказал, что сватов будет засылать, меня сватать.

– Да, – опешил Онуфрий. – Вот так новость. Хорош ли хоть парень, кум?

– Да, не прогадаешь, люди справные, а парень-то ещё и мастеровой, сбрую конскую делает да в Ростов возит. Да не часто – здесь всё раскупают. И дом у них, что терем – просторный да тёплый. Не прогадаете, я Вам говорю. Васька-то ко мне уж приходил, знает, что родственники мы с тобой, просил слово замолвить за него.

– Ну что же – девушки в отчем доме ненадолго. Да, старше брат. А давно ли сами-то мы с тобой молодцами были – Эх, да что там! – загрустил Онуфрий, всё ещё не понимая до конца, что произошло. Первый раз замуж выдавал своё чадо.

Уехали гости на другой день утром, а уж через два дня и сваты приехали, да и кум с ними, чтобы всё сладить, если что. Но сватовство прошло хорошо, отец и мать не стали перечить дочери, да и парень им глянулся, крепкий да весёлый, да и с ремеслом разным знаком. Всегда на кусок хлеба заработает.

Порешили, что весной свадьбу сыграют. Глядя на Алёнку и Настя замуж засобирались, а затем и Марфа. Два раза отказала парню, а на третий согласилась. Пора настала.

Скоро разъехались девушки по другим сёлам, сразу поскучнела деревенька. А отец Пашки, глядя на пустые углы, где

раньше дочки любили сидеть, подумал: хорошо, что Пашку-то не отпустил тогда, а то чтобы мы с матерью делали? Да, уж если и придёт Варсонофий, пусть уж, Пашка, дома останется, а то ведь и старость не за горами. Бог с ней, с грамотой. Я живу, и он проживёт. Да и меньшего надо поднимать, всего-то четыре годика. Правильно монах-то при расставании напророчил ещё одного сына.

Ещё одна зима прошла с холодами да вьюгами, с сугробами снежными да завываниями ветров, которым было где здесь разгуляться. Болота безлесные пропускали сюда все ветра, с какой стороны они бы не дули. И здесь одно спасение – печка добрая да дрова звенящие берёзовые, которые жар дают настоящий, согревая и душу, и тело. Уютно было в доме у Онуфрия, печку топили дважды в день, дров запасли в этом году много, поскольку старики по приметам, им одним известным, предсказали зиму холодную да снежную. И не ошиблись старые, правду сказали. Хотя лучше бы ошиблись. Провыли вьюги свои печальные напевы над заснеженной деревенькой, да охрипли вскоре, а там и оттепели начались и закапала с крыш соломенных первая звонкая капель, предвещающая людям скорый приход тепла и солнца. Давно уже все крестьяне были православные, а солнышку всё равно поклонялись, особенно, когда оно прорывало февральское серое небо и начинало греть бока стоящим людям. Не зря февраль называли бокогреем.

Все ждали наступления масленицы, весёлого праздника, который означал конец зимы и наступление долгожданной весны. Пашка, которому уже шёл четырнадцатый год вместе со взрослыми и другими мальчишками и девчонками мастерили в сарае чучело Зимы, которое предстояло сжечь на Масленицу посередине деревни. И хоть батюшка и называл это язычеством, но обычаю вековому не препятствовал, понимая, предрассудков у людей много и не скоро они уйдут. Вон – спроси любого, верят ли они в домовых, которые, по их мнению, живут в избах и всем управляют, в русалок, которые любят утопить человека неосторожного в реке, в леших, которые кружат человека в лесу – верят до сих пор, сколько им ни толкуют. А деток своих вечно пугают Бабой Ягой, такого понарасказы-

вают друг другу, что и сами поверят. И в лесу шарахаются от каждого пня.

Чучело Масленицы получилось высоким и весёлым, Пашка сам рисовал ей лицо и решил, что она должна улыбаться, несмотря на то, что участь ей предстояла незавидная. Вся деревня собралась в праздник вокруг Масленицы, чтобы посмотреть, как стораёт Зима вместе со страхами, невзгодами, болезнями да хворьями.

На праздник в отчий дом приехали сёстры Пашкины Алёнка, которая опять стала Ариной, в новой семье её называли только настоящим именем, и Настя, приехавшая со своим мужем, служившим у самого князя на подворье. Приезжал парень прошлой зимой, в кафтане богатом да сапогах красных сафьяновых, а сбоку сабля висит, а не меч, как у дружинников, приехал со сборщиками податей, охранял их в общем. И как увидел Настю, так и обмер: огромные голубые глаза, носик точёный, совсем не крестьянской девушки, а боярыни какой, да русая коса до пояса. В общем, сразу решил парень, что другой судьбы ему и не надо. Ну, Настя, что ж Настя, разве устоишь перед таким молодцом. В общем, повенчались они – да и уехали в Ростов, там и жили.

Мать опытным глазом заметила сразу, что обе дочери беременны, скоро станут матерями сами. А всё к матери льнут соскучились.

Мать поговорила с дочерьми и строго сказала: рожать сюда приезжайте, ко мне под моим присмотром, да и повитуха у нас хорошая – даром, что старая, всей деревне, почитай, пуповины резала и вам в том числе. Руки у неё золотые, с Божьей помощью всё сделает как надо. Девчонки обрадовались предложению матери – как не храбрились, а всё равно страшно, а при матери как-то спокойнее.

А Пашка тоже переменялся за это время, и сёстры сразу это заметили – озорничать да смеяться стал меньше, посерьёзней, отцу и матери помогает уж по-взрослому. Да и понятно – четырнадцать лет парню.

– Как учитель-то, твой, не навевается? – спросила Пашку Алёнка вечером, когда все угомонились после праздника.

– Нет, да он уж и забыл поди нас.

– Хороший парень. Жаль только, что в монахи пошёл. Мы бы его здесь живо женили.

– Может, ещё приедет, – сказал Пашка. – Ему здесь понравилось. Он говорил, что здесь какая-то благодать Божья присутствует.

– Да какая благодать, – засмеялась Арина, – болото кругом, комарья летом тучи. Правда и луга у нас здесь есть красивые, и озёра. Ой, чуть не забыла, я ведь подарок отцу привезла от мужа моего – новую сбрую для кобылы, вся украшенная, будет она теперь самая нарядная, а для коровы – колокольчик, на шею ей повесишь, и если и уйдёт куда – сразу найдёшь. А то помнишь, как в лесу её тогда искали. Отведывал ты тогда берёзовой каши.

Сёстры погостили недолго, а потом за ними мужья приехали и увезли их – одну в соседнее село, а другую в Ростов, город большой и славный, где сам князь жил.

В народе говорят – весной день один год целый кормит. И точно. Посеяли вовремя, влагу захватили, сорняки опередили и урожай хороший. А проворонили заветный день – все труды могут прахом пойти и будешь сидеть весь год без хлеба. А как угадать – когда пора пахать, когда сеять? Только опыт народный, только память вековая позволяла на нашей небогатой земле выращивать неплохой урожай. Но и труды она требовала великие.

В эту весну Пашка попробовал сам за сохой ходить. Раньше думал – чего проще, держи ручки ровно да лошадь понукай. А как сам попробовал – понял цену хлебу. Тяжёл труд крестьянина, ох тяжёл, и силы и здоровья требует немало, да и терпенья ангельского.

И не раз, и не два Пашке приходило в голову – эх, зря тогда не ушёл с монахом, ни пахать, ни косой махать не пришлось бы. Рисовал бы себе – да денежки получал. Чем не жизнь и сапожки бы справил себе не хуже тех, что на Настином муже. Эх, жаль, в семье больше мужиков-то нет, маленький брат не в счёт, а от девок никакого проку. Чуть подросли – и нет их, работают да в

другом месте. Пашка видел, что родители понемножку стареют, мать стала прибалывать – жаловаться-то не жаловалась, а и так видно было. Отец мать жалел, старался сам побольше делать работу по дому – да без женских рук всё равно не обойтись.

– Давай, Пашка, вырастай скорее, невесту тебе сосватаем. Вот и будет в доме помощница, – не раз с усмешкой говорил отец, глядя на сына.

– Да ну тебя, скажешь тоже, – отвечал Пашка. – Я сам всё делать буду, а не женюсь. Вот сосед: живёт один – и ничего.

– Ну, он человек особенный. Однолюб.

– Как это? – не понял мальчик.

– А так. Полюбил одну – а другой ему не надо. Невесту-то его лет пятнадцать назад татары увезли. Гуляла по полю, цветы собирала, а там отряд татарский – они её и похитили, и увезли, а куда – кто ведает. Никифор, её жених, у татар знакомых выспрашивал, деньги накопил на выкуп – да где там. Так и не нашлась девушка. А он сказал, как отрезал: другой мне не надобно. Один буду жить – или дождусь её. Может отпустят её нехристи. Приму её любую. Вот и ждёт до сих пор. А какая девка была – весёлая да глазастая, все только заглядывались на неё.

– И что это наш князь не разобьёт монголов. Вон у него какая дружина. Помнишь, на дороге в Ростов тогда видели. Татары их и не тронули, мимо прошли.

– Сил, видно, ещё не хватает. Но помнишь, Варсонофий-то говорил, силы великие вокруг Москвы собираются. Конец скоро игу чужеземному. Но войско нужно большое да обученное. А от мужиков с вилами толку мало.

– Скорее бы, – сказал Пашка, а сам подумал: Эх, попасть бы в дружину княжескую. Научиться мечом владеть, стать воином – и сразиться с ворогами. Разыскать бывшую невесту Никифора, да вернуть её. Вот бы обрадовался дядька Никифор. Добрый он, всё хочет научить меня сани делать.

Никифор много раз пытался заинтересовать Пашку своим ремеслом. Один раз они даже вместе смастерили колесо, но оно больше походило на яйцо – и они оставили эту затею. А мастерить сани да телеги Пашке было почему-то не интересно. Почему – он и сам не знал. Вот если бы избы ставить или церкву

сделать, да из камня – вот это дело. Варсонофий уже, наверное, построил в Москве храм, времени прошло много. Жаль, что так и не пришёл за мной.

Весна прошла в трудах да заботах, вскоре поля зазеленели, рожь в рост пошла и уже ростом была с Пашку – встанет он в поле и не видать его.

В это утро к Онуфрию зашёл пастух Василий и сказал: помоги, отпусти Пашку со мной на три дня, пока второй-то пастух выздоровеет. Мы стадо погоним на Сахотское болото, а там за скотиной глаз да глаз, угодит в трясины и утонет.

– Ладно! Пашка, вставай, сегодня за пастуха будешь, пойдёшь на болото – там рядом луга хорошие да тучные. Возьми еды с собой, да молока кувшин. За старшего-то Василий будет, ты ему не перечь, делай, что скажет, норов-то свой не показывай. Несколько дней походишь с ним, пока Иван не выздоровеет. А то, вишь, лихорадка какая-то привязалась к нему. Намедни грибы ел, жена ничего, а он, вишь свалился. Ну, да ничего, у нас здесь ядовитых грибов отродясь не было. Никто не умирал, Слава Богу!

– Хорошо, тятя, всё сделаю!

– Как Алёнка-то, что-то её не слышно. Спит ещё?

– Да, обозналась чуток. Вчера как приехала, думали ну вот, родит сейчас. И бабка-повитуха приходила. Ан нет, ещё время не пришло.

– Жалко её, вчера так стонала, – совсем по-взрослому сказал Пашка.

– Ну, не она первая, не она последняя. Всех так рожают. Как говорит батюшка – за то, что прародительница наша, Ева, не послушалась Бога. За это все бабы с тех пор и страдают.

– А почему Бог не простил, почему-Алёнка-то должна мучиться?

– Ну, не твоего ума дело. Богу виднее. Иди, давай, да смотри за коровами как следует, ворон не считай, они уж все пересчитаны ещё до тебя, Василием с Иваном. Как у них терпения хватает целый день за стадом бегать. По мне так лучше за сохой ходить.

Онуфрий передал Пашке узелок с едой, и тот, не торопясь, пошёл к околице, где уже собиралось всё стадо, чтобы идти на пастбище, где водопой был завидный. Вода вкусная да чистая, ну и молоко получалось на зависть всем окрестным деревням, такой водички нигде больше не было.

Василий гнал стадо не один, а с сыном, увидев их вдвоём Павел повеселел: всё беготни поменьше, да и со сверстником поболтать можно, не всё ж глаза выпучив, за коровами глядеть.

Вскоре они перегнали стадо на Сахотское болото, но конечно, не на само болото – туда лучше не соваться – а на луга, расположившиеся рядышком. Солнышко начало припекать и его лучи, как проворные руки, быстро собрали россыпи бриллиантовой росы, щедро раздаренные бледной ночью каждой полевой травинке, и белёсый туман, похожий на облако, опустившиеся вниз, чтобы поспать Земле до утра, начал рассеиваться.

Июньский день, как весёлый молодец, пришёл и сказал: Я здесь! Только ногой не топнул, как перед пляской.

Стадо неторопливых рыжих коров вперемешку с бестолковыми пугливыми овцами сначала подошло к краю болота, а затем пастухи направили его в противоположную сторону – объедать густую сочную траву на огромном разноцветном лугу, тянувшемся до самого леса, темневшего вдаль.

– Ну, можно и отдохнуть, – сказал Василий, сев около дерева. Он достал из кармана ножик, заготовленный берёзовый кап и начал вырезать из него миску. Работа эта была кропотливая, да и силы требовала немалые: кап – материал твёрдый. Но ножик у пастуха был острый, и вскоре мелкие стружки уже усыпали его колени. Когда ему поднадоело это занятие, он встал, посмотрел всё ли стадо в целости, и пошёл щёлкать своим кнутом, напоминая коровам, что здесь он хозяин. А мальчишки, отогнав несколько овец от края болота, разлеглись на траве и стали разговаривать о своих мальчишеских делах. А Пашка, нет-нет, да и вспоминал о своей старшей сестрёнке Алёне, как она там, больно ей, наверное, жалко её. А чем поможешь...Ничем.

А потом обоих мальчишек сморило. Встали-то чуть свет, не выспались, вот и задремали. Василий, наведя в стаде порядок,

вернулся под дерево и сначала хотел разбудить своих помощников, да самому вздремнуть, но потом пожалел их, взял недоделанную миску, да и решил сегодня доделать работу. Славная миска получалась, добротная да красивая, никогда не треснет. Но работал недолго, ножик выпал у него из рук в одну сторону, миска в другую, и он тоже задремал. Но вскоре проснулся. Как будто кто-то ему сказал во сне: «Иди и смотри!»

Мальчики проснулись от того, что пастух тормозил их за плечи и испуганно бормотал:

– Спаси, Господи, с нами крестная сила, что же это? Пашка, Мишка, ну ка, посмотрите, то ли привиделось мне во сне, то ли на самом деле!

Мальчики, спросонок, недоумевая смотрели на пастуха, не понимая из-за чего он так всполошился, волк что ли овцу утащил или медведь корову зарезал. Но стадо спокойно паслось себе, отойдя от болота на порядочное расстояние.

– Да вон туда смотрите – на болото, вернее над болотом! – дрожащим от испуга и волнения голосом сказал пастух. Вон туда, – пастух показал им пальцем, куда смотреть.

Мальчики взглянули – и обмерли от того, что впервые в жизни столкнулись с чем-то неведомым, огромным и непонятным, от чего ёкнули их юный сердца и задрожали от страха коленки.

В голубом небе над болотом видно было сильное сияние, как будто бы светилось изнутри огромное белое облако, а на нём явственно были видны очертания большого Креста, а рядом стояла фигура какого-то святого, как подумали мальчики, с иконой в руке. Самое удивительное, что сияние было очень сильным, как от солнца, но оно не слепило, а только как бы ласкало глаза ярким божественным светом и на него можно было смотреть бесконечно долго, не боясь ослепнуть.

– Вставайте, ребята, на колени да перекреститесь, – опомнился наконец пастух. Сам Василий и мальчики, ещё не вполне понимая, что происходит и не сон ли это, рухнули на колени и зашептали молитвы. Они стояли и молились так довольно долго, не в силах оторвать взгляда от сияющего в небе Креста Господня, пока Василий, видя, что явление на небе не исчезает, сказал тихим голосом:



– Слушай, Павел, беги за отцом да другими мужиками – пусть сюда идут, а то ведь не поверит никто, что мы это видели.

Давай, быстрее, а то вдруг всё исчезнет. А мы молиться будем, чтобы все это чудо увидели. Вот ведь сподобил Господь.

Пашку не надо было уговаривать, честно говоря его всего трясло от страха, он читал про себя молитву, а зубы его стучали. Необъяснимость того, что он видел, непонимание – откуда всё это появилось, а не предвещает ли это какие-то несчастья – все эти вопросы сразу завертелись у него в голове, которой приходилось решать только самые простые вопросы. Вопросы мальчика, сына земледельца. Он слышал о чудесах Господних – батюшка рассказывал, как Иисус превратил воду в вино, как он воскресил умершего Лазаря, как он излечивал больных – но всё это происходило давно и где-то в очень далёкой стране, где даже Варсонофий не бывал. Он сам об этом рассказывал, что до святой земли, по которой ходил Иисус так и не добрался.

И чтобы здесь, над болотом, куда и ходить-то никто не хотел из-за его топей и трясин, увидеть самому такое – святой Крест в небе! Как же это возможно?

Во весь дух припустился он к деревне, бежал быстро, упал несколько раз, разбив в кровь колени. Когда он, едва держась на ногах подошёл к своему дому, то услышал крики сестры и догадался, что у неё видно роды начались. Он открыл дверь в избу, но мать замахала на него руками – уходи мол, не мешай не до тебя.

– Василий отца зовёт, – громко сказал он, чтобы Онуфрий услышал, но в это время раздался протяжный крик сестры, а через несколько мгновений и крик младенца. В соседней комнате началась возня, и послышались радостные возгласы повитухи.

– Слава Богу, подумал про себя Пашка, а затем крикнул ещё раз:

– Отец, тебя Василий зовёт!

– Да, что там? – спросил недовольно отец, выходя из избы. – Видишь же, дело какое, внук родился. Слава Богу, мальчик!

– Тятя, там такое, пойдём скорее. И Никифора возьмём с собой. Быстрее...

– Да, что там, говори понятно.

– Крест на небе!

Онуфрий дальше не стал ни о чём расспрашивать, быстро вышел из дома, стукнул в окошко Никифору и вскоре все трое побежали в сторону болота. К ним присоединилось несколько мужиков и женщин. Никто толком не понимал – куда бегут и зачем, но раз Онуфрий бежит, значит что-то серьёзное стряслось. Онуфрий зря бегать не будет, это все знали.

Когда люди подошли к болоту, Василий и его сын так и стояли на коленях и шептали молитвы. Страха уже не было на их лицах. Крест, сиявший в небе, как бы успокоил их и возвещал что-то хорошее и доброе, что должно было случиться. Иначе и быть не могло. Вновь прибывшие люди сначала тоже оторопели, стояли и смотрели на Крест Животворящий и фигуру святого с иконой в руках. Потом кто-то предположил, что это, наверное, Николай Угодник, которого особо почитали и любили в здешних местах. Когда все немного опомнились, то стали креститься и тоже встали на колени как перед святыми иконами.

По прошествии некоторого времени, Онуфрий, поднявшись с колен, спокойно сказал:

– Ну, что мужики пойдём на то место, над которым сияет Крест, да посмотрим, что там!

– Ночь уже скоро, потонуть можем, давай завтра сходим. Топоры возьмём с собой, гать проложим и дойдём до того места. А там – Господь вразумит, – сказал разумный Никифор, поскольку идти вечером по болоту – можно и не вернуться.

На том и порешили.

Поутру отрядили одного мужика ехать в соседнее село за священником, а Василий с Онуфрием и Никифором, запасшись топорами и шестами длинными, чтобы глубину измерять вернулись на то же место и увидели тоже сияние на небе и Крест Светоносный и фигуру Святого.

Помолились мужики, а потом совещаться начали – дожидаться батюшку и идти после его благословения, либо рискнуть и пойти на то место, под которым бил свет небесный. Долго судили-рядили, а потом всё же решили идти. Страшновато было, конечно, но всё же пошли мужики вглубь болота, куда сроду просто так никто из них бы не сунулся – но здесь не смогли себя сдержать, срубили несколько деревьев, проложили доро-

гу через трясины и осторожно, опираясь на шест, измученные и промокшие насквозь, добрались до предполагаемого места и поняли, почему именно над этим местом сиял свет:

На небольшом возвышении лежал огромный Крест с изображением Иисуса Христа! Поклонились мужики Кресту. И долго стояли в молчании, осознавая, что выпало им счастье видеть чудо великое.

– Бог даровал нам это Крест. Будем церковь строить, там и Крест сей будет стоять на радость всему православному народу! – твёрдо сказал Онуфрий, после того, как мужики немного пришли в себя от всего происходящего.

– Помнишь, Пашка, монах-то говорил, что место у нас благодатное. Вот Господь и даровал благодать. Прав был Варсонофий.

– Сейчас едем назад и на гору, что у болота, первые брёвна положим в основании церкви. Брёвна я свои жертвую, у меня заготовлены на новый дом. Хотел для дочки с зятем поставить, да у них свой есть. Обтесать только их надобно. И первый венец закончить. Сегодня же! А Крест попозже перенесём, большой да тяжёлый, носилки нужно сделать. Ты, Никифор, позаботься об этом. Дело Божье.

– Сделаю, – коротко ответил Никифор.

– Пошли, начнём, благословясь.

Мужики уже пошли обратно, а Василий с Пашкой и Мишкой немного замешкались, рассматривая Крест, и вдруг услышали негромкий голос, который сказал: «Кто к сему Кресту придёт с верой – тому будет излечение от недугов и болезней!»

Они вернулись и рассказали односельчанам об услышанном и слух о том, что Крест сей может принести исцеление быстро разнёсся по всей округе. К вечеру в деревню приехал батюшка. Он едва лошадь не загнал, так спешил, но сияния небесного уже не застал. Оно исчезло также внезапно, как и появилось. Священник долго и подробно расспрашивал очевидцев этого великого события, веря и не веря простоватым деревенским жителям, которые могли что-то истолковать не так. Или придумать, но Онуфрию и Пашке он верил. Эти врать не будут.

Пашка тоже долго рассказывал батюшке о том, чему был свидетелем и, когда расспросы закончили, спросил в свою очередь:

– Скажи, отец, Серафим, а что же это было? И что это означает? Я ведь Евангелие сам уже читаю, да не читал ни о чём таком.

– Улыбнулся священник и задумчиво произнёс:

– Это, мой милый, Божий промысел. Крест воссиял с Греческой стороны. Там, где находится великая православная держава! Византия. Оттуда к нам пришла вера православная, оттуда и Крест Животворящий. Молиться надо, Бог вразумит и может быть откроет нам замысел свой. А ты, Павел, счастливый человек. Сподобил тебе Господь увидеть чудо великое, я вот недостойный видно, не застал ничего. Видно, грехов на мне много. Ну да ладно. Как у тебя сестра-то, родила?

– Да, сегодня, мальчишку.

– Ну, вот радость-то! Да ведь как совпало.

– Как Онуфрий? – спросил он, увидев отца Пашки, идущего со стороны болота. – Начали наконец-то церковь строить? Господь Вам чудо явил, чтобы заставить храм Божий возвести.

– Не пойму, отец святой, ничего не пойму, недоуменно ответил Онуфрий. Утром пришли на горушку, чтобы второй венец поставить – один-то венец мы ещё вчера срубили – такой ладный получился, а приходим – ни бревна, на щепочки. Украл что ли кто? Так ведь кара-то ему какая за это будет! А потом смотрим – и болота нет. Там, где Крест вчера нашли, место возвышенное и речка малая, по которой вода-то ушла. И Крест обрётённый там лежит, и первый венец сруба будущей церкви. Вот иду за тобой, сказали, что ты приехал. Растволкуй нам, что да как! А то мы совсем уж ничего не понимаем.

– Ну, пошли, поглядим на дела такие, – сказал батюшка и они пошли в сторону Сахотского болота и не нашли его. На холме, что возник на месте болота, лежал Крест Животворящий, а рядом начатый сруб. А вскоре подъехала телега и подвезла ещё несколько брёвен. Батюшка стоял и смотрел на всё это, пытаюсь понять суть случившегося и уразумел только одно – Бог дал понять, что место Креста пока здесь. Здесь и строить надо.

– Поеду в Ростов за благословением к Архиепископу на строительство храма. – сказал батюшка. – Да расскажу ему о чуде великом. Онуфрий, внука-то не забудь окрестить, буду возвра-

щаться – поедем в церковь нашу да там и совершим обряд. Как Алёнка-то?

– Хорошо, ребёнок голосистый и ест хорошо.

– В благословенный день вижу он родился. Бог даст и жизнь у него будет благословенной. Ай, да и Павел у тебя, не каждому такое удаётся, ох не каждому. Мне вот не удалось, опять вспомнил о своей нерасторопности батюшка.

Священник уехал, а Онуфрий с мужиками начал совстовать, где деньги собрать на строительство, где лес рубить, да как потом строить, мастера-то у них в селе не было, который умел бы всякий сруб сложить, да купол сделать, да крест выковать. Да мало ли работ предстоит всяких. Надолго может всё растянуться.

– До зимы мужики надо всё сделать, крест должен уже под крышей быть, – сказал в конце концов Никифор, главный плотник у них в селе. – Сделаем. Постараемся. Бог поможет, – проищё он самую длинную речь в своей жизни.

Мужики работали споро, и вскоре второй венец был готов. Женщины принесли из дома несколько холщовых полотенец и укрыли Крест от возможного дождя.

Идя домой после работы, Онуфрий удивлялся, как всё вокруг изменилось, узнать нельзя. Чудеса, да и только. Но он уже устал удивляться: и внук родился и Крест Животворящий обрели. Вот ведь как, и всё в один день.

И местность вокруг другая, не узнать. Чудно!

По мере приближения к дому Онуфрий ускорил шаг, ему хотелось побыстрее увидеть дочь, да и внука своего посмотреть. Он до сих пор как-то не задумывался о своём возрасте, и только потому, сколько морщин появилось на лице жены, слывшей когда-то красавицей в своём селе, понимал, что время движется, медленно изменяя всё вокруг и в первую очередь их самих. Вот уже и он дед и его жена стала бабушкой. В один день произошло событие, которое чётко обозначило конец молодости и начала старости. Что же делать? Сколько свечей ни поставь и сколько поклонов ни отбей – ничего остановить нельзя, придёт этот момент, возвестив о себе криком первого внука. Потом эти грустноватые мысли ушли куда-то, уступив место более зем-

ным: когда ехать в Ростов гвозди покупать – без них никуда, даже на первых порах, у кого из знакомых кузнецов купить их подешевле, да где мастера найти, чтобы и дело сделал и село не разорил хуже Мамаю.

Да, ну из окрестных сёл мужики помогут, тут уже батюшка поговорит с ними, усовестит, если что.

Когда Онуфрий и Павел уже были совсем близко к дому, они заметили телегу, медленнодвигающуюся им навстречу.

– Батюшка что ли возвращается, может забыл что-то, или передумал к Архиепископу ехать.

– Нет, тятя, это мужик какой-то, я вижу, он за возчиком сидит. А с ним баба в платке, – сказал Павел, глаза-то у него были позорче, чем у батьки, который, как и полагается настоящему деду, был подслеповат.

Они решили подождать – мало ли кто это мог быть. Может, дочка Настя едет, или весточку от неё везут. Телега на дороге вечером в деревне – это тоже событие.

Вскоре путники подъехали совсем близко и остановились, увидев двух местных жителей. С телеги легко прыгнул высокий мужчина в чёрной рясе, а женщина, понурив голову, осталась на месте. Видно, задремала, устав от дороги.

Онуфрий, сквозь наступившие сумерки, пытался разглядеть человека – может знакомый, зато Пашка сразу догадался, кто это.

– Дядя Варсонофий, здравствуй! – закричал он радостно и побежал навстречу монаху.

– Здравствуй, отрок, будь здоров, Онуфрий.

Они трижды обнялись, а затем монах сказал: приехал проведать Вас да привёз бывшую жительницу вашей деревни. Еду нам готовила, да стирала, когда мы храм в Москве строили. Говорит, что её когда-то татары украли здесь и увезли с собой. Прислуживала она мурзе, посланцу ханскому, а потом, как постарела выгнал её, она и прибилась к монастырю. Хороший она человек, добрый, да несчастный. Когда узнала, что я сюда собираюсь, упросила взять её с собой. Говорит, здесь у неё родные, приютят может. А нет, так забери её в Кириллов, там есть женский монастырь и найдёт себе пристанище.

– Мария, да не ты ли уж? – осторожно спросил у женщины Онуфрий, разглядывая её и с трудом узнавая в ней смешливую девчущку, жившую в их селе.

– Я, дядя Онуфрий, я. Живы ли мои-то?

– Живы, все живы – и отец, и мать. А брат твой уж женился давно, своим домом живёт, кузнечным делом овладел, коней подковывает. Все тебя ждали, искали.

Он немного помолчал, а затем добавил:

– А Никифор-то твой так и не женился, всё тебя ждёт, до сих пор. Вот обрадуется.

– Не знаю, какая я теперь радость. Сколько слёз пролила, сколько горя видела. Поганые-то надругались надо мной... – и женщина заплакала, только очень тихо и едва заметно – видно, привыкла таиться от других людей.

– Не печалься! Что прожито, то прожито и забыто. Иди домой, примут тебя там, обязательно примут. Уж не сомневайся.

– Страшно мне, может и Вы со мной зайдёте?

– Не бросим, – сказал монах. – Так ведь, Онуфрий?

– Так, так, ну поехали. Вот их дом, недалече. Он и Пашка, который пока не встревал в разговор, – раз взрослые говорят – младший молчи – этому его отец научил, сели в телегу и не торопясь поехали к дому Марии. А там – действительно её ждали, и радости не было конца. Оставив женщину, они вышли из дома и пошли к избе Онуфрия, а возница, спросив, где можно переночевать, поехал устраиваться на ночь, чтобы утром двинуться в обратный путь.

– Дядя Варсонофий, а ты слышал, что у нас случилось-то?

– Потом расскажешь, – сказал Онуфрий, – пойдём в избу, у нас радость сегодня, Алёна родила сына, а мне внука.

– Добро, добро. Я ему и крестик подарю и крестным стану. Вот и породнимся мы по-настоящему.

– Рад буду, и Алёнка тоже. Ну, пойдём. А ночевать тебя я у соседей устрою, у Никифора, ну ты его помнишь. А то у нас сегодня тебе не до сна будет. А сейчас поужинаем да поговорим.

Весь вечер они разговаривали о случившемся чуде. Монах слушал внимательно, не задав ни одного вопроса, а затем, до-

став из сумки платочек, развязал его, достал оттуда маленький серебряный крестик на верёвочке и протянул его Арине.

– Сохрани до крещения младенца. Крестик с самой Афонской горы. Там освящён. Это его нательный крест. Пусть всю жизнь хранит. А на то чудо, что случилось у Вас, могу только одно сказать: рождается новая Русь, сильная православная держава. Вот Господь и подарил ей на день рождение – Нательный крест Руси Великой. Так-то, Павел!

– Ты уедешь? – спросил монаха Онуфрий.

– Нет, пока здесь храм не воздвигну – не уеду. Я ведь всё умею. И зодчеству учился, я тебе сказывал, у византийцев. От них Русь принимает крест свой.

– Мудрено говоришь Варсонофий, очень мудрено. Но если поможешь храм построить – это будет помощь Богу. И он тебе ответит Добром. Потому что Бог есть Добро.

\*\*\*

От долгого чтения оба устали, но оторваться были не в силах.

– Пап, а сколько пятьсот тех рублей на наши деньги?

Алексей долго считал, а потом сказал наугад:

– Тысяч пять, я думаю.

Сын задумался, что-то посветлело в его душе, и он сказал озадаченному отцу.

– Поехали, съездим туда. Отвезём старинные деньги, да посмотрим на Крест.

– Что мы повезём деньги, на которые уже ничего не купишь, и ремонт, если понадобится не оплатишь. На конверте написано, что делать. Мы и старые отвезём, и новые.

Сын подумал и сказал:

– Давай я и свои отдам. Те, что заработал. Завет предка.

– Правильно, сыночек. Это был нательный крест Руси, а теперь нательный крест России. Наш с тобою крест!

## Оглавление

Зеро .....	5
Глава I .....	14
Глава II .....	20
Глава III .....	34
Глава IV .....	42
Глава V .....	47
Глава VI .....	51
Глава VII .....	60

Литературно-художественное издание

**Альфред Николаевич Симонов**

# **НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТ РОССИИ**

ПОВЕСТЬ

Редактор

*Михаил Китайнер*

Компьютерная верстка

*Натальи Малковой*

Художник

*Надежда Кузнецова*

Корректор

*Алина Дашкина*

Подписано в печать 15.02.2017.

Формат 60x84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Печать офсетная.

Бумага офсетная.

Гарнитура PetersburgС. Усл.п.л. 4,65

У.-изд.л. 4,38. Тираж 80 экз.

Заказ № 029-17

Издательско-полиграфический комплекс «Индиго»

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Отпечатано на собственном полиграфическом оборудовании